

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Татьяна Морец

18+

Шайрасы

Татьяна Морец
Начать сначала

«Автор»

2023

Морец Т.

Начать сначала / Т. Морец — «Автор», 2023 — (Шайрасы)

Я очнулся в незнакомом месте. Туманном, промозглом, мрачном. Почти пересек черту смерти, едва не угодив в объятия черной Кали. Без памяти. Без прошлого. Не зная, есть ли у меня будущее? Смогу ли я здесь уцелеть? Чтобы начать жизнь сначала.

© Морец Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Возвращение к жизни	6
Глава 2. Встреча в тумане	9
Глава 3. Временный дом	13
Глава 4. Обоснование	17
Глава 5. Новая ступень	20
Глава 6. Исцеление	24
Глава 7. Проблеск	27
Глава 8. Виток	30
Глава 9. Досада	33
Глава 10. Происшествие	37
Глава 11. Предосторожности	40
Глава 12. Неважные новости	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Морец

Начать сначала

Пролог

Я горел.

Мне казалось, что огонь был не только снаружи, но и внутри. Пламя нещадно поглощало меня, сжигая кожные покровы, наполняло удушливой гарью легкие.

Нестерпимый жар ввергал мой устойчивый организм в шоковое состояние. Как бы ни было крепко шайрасское тело, и оно не могло сопротивляться пламени.

Я чувствовал, как тлеют ресницы. Плотно сжимал веки и закрывал лицо руками в надежде спасти глаза.

Ощущал, как от запредельной температуры кожа шла пузырями. И в какой-то момент, кроме омерзительного запаха сгоревшей плоти перестал осязать все остальное.

Теряя сознание, хрипло кричал, больше не в состоянии терпеть эту пытку.

Я сгорел дотла.

Чтобы воскреснуть.

Глава 1. Возвращение к жизни

Туман.

Он клубился вокруг меня густым полотном. В тумане надежно скрывались очертания обоих витиеватых берегов. Можно было только увидеть, как причудливыми лапами из ватной мглы торчали ветки деревьев.

Морок мне на руку. Я надежно был спрятан в белой пелене. Как и река, в которой я беспомощно лежал. Ее ледяные потоки охлаждали и приносили хоть небольшое облегчение. Я не мог восстановить в памяти, как оказался здесь. Но мое измученное тело прекрасно помнило касания огня.

Пробуждение пару дней назад было таким, что я бы предпочел не просыпаться никогда. Даже маленький ожог на теле приносит весомые неудобства, неотступно напоминая о себе каждую секунду. По моим соображениям, ущерб был огромен, огонь повредил семьдесят – восемьдесят процентов поверхности кожи. Боль причиняла невыносимые страдания. Я бы хотел забыться, но не мог. Холодная вода отвлекала, но не настолько, чтобы я был в состоянии задвинуть телесную муку на задворки сознания или изолировать ее. Она назойливо заставляла искать более холодные течения, постоянно менять положение тела в воде. Но это помогало слабо и ненадолго. Мне оставалось терпеть. Временами от невыносимых ощущений я погружался в небытие. Но даже тогда ощущал терзания. Боль пекла. Жалила. Уничтожала собой.

Я знал, что мне нужно пить. Вода в реке была противна. Возможно, сама по себе. А может, из-за моих сожженных рецепторов. Мало того, что все пахло и имело вкус гари, вода несла в себе тупое послевкусие затхлости и чего-то непонятного. Но за неимением другой жидкости я пил. Знал, что заражения можно не бояться благодаря шайрасскому иммунитету, но вкуснее от этого мутная жижа из реки не становилась. Однако, она помогала очищать организм от токсинов, а их было с избытком из-за массивных ожогов. И что немаловажно, вода была холодной.

Меня мучило. То ли от неприятной жидкости, то ли от интоксикации. Иногда выворачивало наизнанку, и болезненные спазмы пускали тело на новые круги Ада. Но я продолжал пить.

Так как безумно хотел выжить.

Спутанность сознания постепенно исчезала. И я уже более трезво пытался оценить свое состояние. Сильно удручало, что память не торопилась возвращаться. Правый глаз не видел. Аккуратное ощупывание пальцами говорило о том, что поврежден не только он, но и веко. Рассмотреть и изучить увечье не получалось, вода в реке была слишком мутная и не позволяла увидеть ничего. Вероятно, это и к лучшему. Судя потому, что мне говорили пальцы, лицо мое обезображено.

Слабее всего пострадал хвост, и обгоревшие участки на нем причиняли меньше болевых ощущений, чем те, что покрыты кожей. Чешуйки гораздо плотнее и способны вынести большую нагрузку. И рецепторы на хвосте шайраса работают иначе. Они прекрасно осязают прикосновения, давление и температуру. Но болевых раздражителей на хвосте значительно меньше. И находятся они под чешуей. Иначе мы бы не могли скользить по острым камням и веткам, или сильно нагретой солнцем поверхности, а просто корчились бы от боли.

Но к огромному сожалению, хвост заживает дольше. Нужно отрастить кожу, и потом она уже сможет покрыться новой чешуей. Я осторожно снимал поврежденные чешуйки, не оголяя сразу больших участков. Места без них такие же уязвимые, как и на остальном теле. Без кап-

сулы, концентратов даже хваленая регенерация шайрасов была недостаточна с масштабными повреждениями.

Шипя сквозь стиснутые зубы, я постепенно отдираю остатки зеленоватого одеяния, похожего на военный китель, кусками вплавленного в меня. Мне приходилось часто останавливаться, глубоко дышать и потом снова браться за эту болезненную, отвратительную работу. Иногда я терял сознание. Местами показывалась молодая розовая кожа, очень тонкая. И прикосновения к ней отзывались на пределе чувствительности и боли, я старался не трогать ее лишней раз, давая время окрепнуть.

Что-то мне подсказывало: я ни разу в жизни не попадал в такие передрыги.

Когда меня перестало выворачивать водой, я начал из этой же реки отлавливать ленивую рыбу, приплывающую мне прямо в руки, и поедать ее. Она, как и все вокруг, пахла гарью и имела вкус затхлости, присущий самой реке. И по первости рыбу ждала та же участь, что и воду. Но для того чтобы регенерировать, у меня не оставалось иного выхода, кроме как есть.

Я плохо соображал, сколько дней прошло. Когда стало чуть легче, решил исследовать местность, на которой находился. Заплыл вверх по течению и обнаружил небольшой летательный аппарат.

«Это «Дельта», – подкинула память.

Корабль поврежден и оплавлен, причем изнутри тоже. Не надо много ума понять: это тот самый транспорт, с которым я упал в реку. Что же произошло, раз практически негорючие материалы сожжены до черноты?

Внутри я нашел пристегнутое обгоревшее тело другого шайраса. Может, и хорошо чувствовать одну гарь. Даже не видя следов разложения, уверен, тут смердит. Ему повезло меньше моего. Правда, я до сих пор не знаю, можно ли назвать везением выжить с такими увечьями? Даже спустя столько дней, я видел одним глазом и перемещался с огромным трудом, кряхтя и шипя.

Внутри меня крепло знание – меня где-то ждут. Оно было столь глубоким и уверенным, что я решил бороться столько, сколько смогу. И верил, вспомню...

Там где штурвал, свободное кресло. Вероятно, я пилот? Китель на мне подтверждал эту теорию... Фонарь «Дельты» был разбит как раз со стороны места пилота. Похоже, меня выбросило при падении в реку. Не исключено, что я специально направил горящий летательный аппарат в воду. Думаю, это и спасло меня.

В корабле ничего полезного я не нашел. Ни для получения информации, ни для дальнейшего использования. Разочарованно выдохнув, я поплыл вверх по течению, понимая: вода там будет чище. Мне было необходимо найти укромное место или соорудить его, пока идет восстановление. Я не знал, как скоро уйдут туманы, а нахождение на открытом месте нежелательно. Вдруг меня будут искать враги? Я как мог осмотрел корабль, но не обнаружил следов того, что транспорт был подбит. Если бы противник вывел из строя управление, то тогда я бы просто разбился. И загорелся уже упав. Не похоже.

Что же произошло?

Я еще был очень слаб, чтобы рьяно заниматься расследованием. И принял решение найти убежище на ближайшее будущее. Стану крепче, появятся силы обследовать окрестности по более широкому радиусу. Но планировать сразу много? Не в том положении я находился.

Проплыв выше, я обнаружил ветвистое дерево, оно росло на самой кромке почвы. Его корни и свисающие ветви с густой листвой образовывали импровизированный купол. Верх дерева тонул все в том же тумане. А учитывая, что видимость тут в среднем тридцать метров, я остановил свой выбор на этом месте. Сомнительно найти поблизости столь же подходящее укрытие. Да и сил у меня нисколько не осталось.

Засыпая, отметил, что боли стало значительно меньше. И надежно спрятанный от посторонних глаз, я первый раз крепко уснул. С тех пор, как очнулся на этой планете.

Глава 2. Встреча в тумане

Следующие дни я провел за теми же занятиями. Ел. Спал. Снимал с себя старую поврежденную кожу. Пытался двигаться. Все пункты мне давались со значительным трудом, но отныне я твердо осознавал: выживу.

Я перешел ту незримую черту, что разделяет жизнь и смерть. Но так ничего и не вспомнил о себе. Так странно: все базовые вещи мне известны, но из памяти подчистую стерлось, кто я и как здесь оказался. Ищут ли меня свои? Если я пилот, то не совсем простой шайрас. На себе я не нашел опознавательных жетонов, маячков, браслетов. Ничего. Как будто специально был лишен возможности меня идентифицировать.

Терпеливо ждал того дня, когда смогу передвигаться на более дальние расстояния и исследовать место, куда попал. Мне бы получить доступ к сети, оттуда я бы выудил хоть какие-то данные. Но что, если планета на которой я нахожусь, необитаема и я здесь совсем один? Найденный корабль настолько выгорел, что средства связи были уничтожены, я не мог подать сигнал о помощи.

Туманы так и не спешили покидать реку и лес, через который та пробивалась уверенными сильными потоками. За столько дней я не слышал и не видел ничего подозрительного. За все время мне не попалось ни одного крупного животного, но с ними мне не приходилось рассчитывать на успех. А мелкие двигались с такой скоростью, что я и не пытался их поймать. Так и приходилось питаться рыбой. Большим везением стало найти неподалеку в лесу источник воды, бивший из-под земли. У меня не было анализатора, и я не мог оценить ее запах, и толком вкус, без обоняния, потерявшего свою яркость и широкий спектр ощущений. Но мне не становилось плохо от этой воды, и я не чувствовал отвращения, когда ее пил. Не исключен какой-то негативный накопительный эффект, но в моем состоянии и смысла не было думать об этом.

Сколько я здесь? Месяца полтора или чуть больше? Так говорило мне внутренне чутье. И по-прежнему один.

Подвижность и сила возвращались ко мне, но куда медленнее, чем мне бы хотелось. В некоторых местах кожа лопалась, и ей нужно было зарастать вновь, где-то сразу плохо заживала. Чешуйки тоже отрастали медленно. Я стойчески ждал. Как бы тяжело мне ни было, и пусть я не помнил себя, я точно знал – не сдамся.

Постепенно, несмотря на боль и сложность перемещения, я увеличивал площадь обследуемых территорий.

Когда понял, что сил не хватает перекрыть определенный предел, чтобы суметь вернуться в свое убежище, принял решение перемещаться вверх по реке. Ночами становилось заметно холоднее, а туман окружал так плотно, что я не видел и кончиков пальцев на вытянутой руке. Не знаю, часто ли мне будут попадаться укрытия, хоть как-то способные защитить от холода и осадков, но оставаться здесь тоже не имело смысла. Я не знал, до каких температур похолодает. Будет ли снег, или ледяные дожди начнут проливаться сутками без перерыва. Остаться ждать – равносильно сдаться.

Шайрасам замерзнуть гораздо сложнее, чем людям. Но учитывая истощение и то, что большие участки тела покрыты тонкой кожей, ночами мне было уже очень некомфортно. А если температура опустится значительно ниже, это может оказаться фатальным.

– Ссашшин...

Я услышал это имя и очнулся. Его вполголоса произнесла женщина мягким грудным голосом, приятным, будоражащим. Как будто она звала меня. А может быть, израненное воображение играет со мной? Не знаю, как сильно я приложился головой. Боль от ожогов затмила собой все. И мутить могло после удара, а не только от большого количества токсинов. Сейчас уже не восстановить события и не разобраться, что так повлияло.

Это мое имя, и я начал вспоминать хоть что-то из своего прошлого?

Катал сочетание звуков на языке и пытался понять, почувствовать... Нет. Пусто. Но я унес это к хорошим знакам, значит, постепенно память вернется.

Еще одним из позитивных изменений стало то, что я перестал чувствовать гарь. Множество дней вокруг разило чадом и только им, теперь же окружение не имело никакого запаха. Совсем. Меня сбивало с толку их отсутствие, ведь для шайрасов обоняние – одно из главных органов чувств. Но это оказалось ощутимо лучше того, что было перед этим. Не сомневаюсь, я перешел на следующую ступень выздоровления.

Я начал путь вверх по течению. Не знаю, что меня подтолкнуло: услышанное во сне имя или то, что ночами стало еще холоднее?

Вещей у меня нет, поэтому и сняться с насиженного места не составило труда. Кроме моральной готовности ничего и не требовалось. Не сказать, что я боялся чего-то, но глупо было не принимать во внимание, что впереди ждала неизвестность.

В воде мне стало передвигаться холодно, поэтому я полз вдоль берега, старательно огибая острые камни и торчащие сучья. Часто отдыхал. К огромному огорчению, мне некуда было набрать воды, так и пришлось снова пить из реки. Кажется, ее вкус стал еще более отвратительным, и потом неприятно першило в горле. Не исключено, что я выраженнее чувствовал ее мерзкий привкус после чистой ключевой воды. Но за отсутствием иного, пил то, что было, не тратя время и ценные силы на поиски новых источников. А учитывая, что я не планировал задерживаться в здешних местах, это и вовсе не целесообразно.

Несмотря на усталость и новые повреждения хвоста, я продолжал ползти вперед и остановился только поздним вечером, когда уже понял, что не могу сдвинуть хвост ни на сантиметр. Убежище не нашел, просто упал в высокие заросли травы, мелко дрожа от усталости. Не оставляя убежденности подняться завтра и продолжить продвижение вдоль реки.

– Ссашшин...

Я снова слышал этот голос. Знал, он очень важен для меня, но до сих пор не чувствовал, что это имя мое. Но я уловил отчаяние в голосе женщины. То, с какой горечью звучали ее слова. Не зная куда, понимал: я должен вернуться

На удивление утром я поднялся довольно легко. И, как ни странно, мне не было холодно. Похоже, мой расчет был верный. И здесь было теплее. А может, просто ночь выдалась более теплой. Нехотя снова полез в воду ловить рыбу. Как бы она мне ни надоела, мне требовалось много питания. Appetit заметно улучшался. Не ведая конкретной конечной цели, я всем своим существом стремился к ней. Выжить и выздороветь являлись лишь ступенями в ее достижении.

За день туман развеивался, потом густел снова, собираясь особо плотными хлопьями в низинах. В одном из таких мест я услышал непонятные звуки. Яркие, напористые, они то глохли, то внезапно рвались и снова резко разносились по лесу. Кто мог их издавать?

Предельно осторожно скользил навстречу им. А в голове ретиво билась мысль: «Я здесь не один!»

Туман и влажность гасили и искажали странные звуки, подстрекая и так живое стремление выяснить истину. Источник я обнаружил, только столкнувшись носом с виновником появления этих звуков.

Точнее виновницей.

Ею была черноволосая хрупкая пигалица со скрипкой в руках. Как интересно. В каких спящих регионах мозга моя память отыскивала название этого чудного музыкального инструмента?

Девушка держала скрипку, прижав ее одной рукой к груди, вторая со смычком была опущена. Изящные ручки.

В сапогах и длинном пальто с вёрхом, подчеркивающим ее тонкий стан, и широкой юбкой, складками спадающей до земли.

Но интересно было другое. Девчонка в тумане была не из робких. Сердито хмурила брови, возможно, потому что я помешал ее занятиям музыкой. Или по иным неизвестным мне причинам.

В следующую секунду она гордо взметнула подбородок и выдала высокомерно, чеканя слова:

– Кто ты и что делаешь здесь?

Ни капли страха. Пигалицу не испугал ни мой хвост, ни изуродованное лицо, ни то, что я был явно крупнее ее и смотрел сверху вниз. Одним уцелевшим глазом.

Внутри меня вспыхнуло раздражение. Как девчонка смеет в таком тоне обращаться ко мне? И я тут же остыл, пораженный догадкой. Похоже, не привык к подобному обращению?

– Немедленно отвечай, или я позову охрану! – угрожала мне она и, даже казалось, стала выше ростом.

Порази меня, Индра! Я весело хмыкнул, впервые улыбнувшись, находясь здесь. Кожа лица тут же натянулась, вызвав рык из моего горла.

Пигалица, не растерявшись, уткнула конец смычка мне в грудь, ощутимо кольнув. Ее темная бровь выжидающе поднялась. Золотисто-карие глаза смотрели прямо, нетерпеливо.

Мне понравилась эта боевая птичка.

– Совсем не помню, кто я, – глухо произнес я, впервые подав голос. Мне не с кем было говорить раньше. – Упал на корабле, он ниже по течению этой реки, в двух днях пути. Точно не скажу когда. Месяца два назад или около того. Корабль сгорел, но я смог выжить. Мне больше нечего рассказать.

Девчонка опустила свое оригинальное оружие, подойдя ближе. Она сумасшедшая или настолько бесстрашная? Внимательно разглядывала мое лицо без тени брезгливости. Осмотрела тело. Когда опустила глаза до уровня пояса, неожиданно покрылась румянцем.

Я едва сдержал повторный хмык. Почему-то я был уверен в направлении ее мыслей. Неважно, что у шайрасов все надежно спрятано, я ведь был обнажен по меркам людей. Да и мы не щеголяли полностью раздетые просто так. Разве что на охоте.

Девчонка быстро собралась, вернула взгляд к моему лицу и четко приказала:

– Жди меня здесь, шайрас! Тебе нужен врач. Я приведу его, – и резко развернувшись, скрылась в тумане, оставив меня в растерянности.

Анализируя произошедшее, подвел некоторые итоги. Первое: я точно не привык, чтобы мной командовали. И второе: не приведет ли девчонка вместо целителя свою охрану, которой угрожала ранее?

Глава 3. Временный дом

Я затаился рядом с тем местом, где меня оставила дамочка с генеральскими замашками. Надежно укрылся в тени старого дерева с высокой корневой системой, а вездесущий туман создавал дополнительную завесу от посторонних глаз.

Прошло не так много времени, по внутреннему чутью минут сорок, как боевая птаха вернулась. Я даже устать не успел. Но успел, пока ждал, обдумать важное: люди знают о нас. Скрипачка не просто не удивилась моему облику. Она не боялась меня.

Это основательно сбивало с толку. Количество загадок добавилось к моей и так таинственной личности. И причинам пребывания на этом планетарном объекте. Что это за объект, тоже было необходимо выяснить. Желательно скорее. Не исключено, что любая информация извне могла дать толчок к восстановлению памяти и возвращению домой.

Девчонка вернулась с невысоким, чуть выше ее, седовласым мужчиной. Тот был немного сгорблен, носил очки, что было большой редкостью. Но при этом он обладал довольно уверенным шагом. В руках у предполагаемого доктора имелся внушительного размера чемоданчик, скорее всего медицинский. А пигалица сама на спине принесла большой рюкзак, который тут же скинула на землю.

– Ты где? Немедля выходи! – звонким голосом позвала девчонка. Приказным тоном. Снова.

«Приду в себя и займусь её воспитанием», – неожиданно подумал я. Хотя зачем мне это нужно? Наверняка у нее есть родители, их забота, а уж точно не моя.

Я осторожно выскользнул из-за дерева, показываясь девочке и ее седовласому спутнику. Встал немного в стороне, скрестив руки на груди.

– Я тебе благодарен за помощь девочка. Но почему ты все время командуешь? – я сверлил птаху единственным глазом, стараясь задавить ее порывы внутренней силой. Той, что внезапно стала бурлить во мне, выводя из душевного оцепенения.

К моему удивлению, вместо сопротивления, девчонка извинилась, сбавив тон:

– Прошу прощения, шайрас. Это привычка. Иначе меня никто не воспринимает серьезно, а на мне висит обязанность управления семейным домом. Мамы уже давно нет, и мне пришлось взять на себя ее обязательства. А кто будет слушаться молодую хозяйку? Хозяин дома – мой отец, постоянно занят другими делами, он будет недоволен, если я стану постоянно бегать к нему и жаловаться, – закусила девчонка губу, вывалив на меня сразу информацию. – Мне пришлось научиться быть такой. Я уже привыкла, – произнесла она, пожав тонкими плечами.

«Значит, она не высокомерная девица», – неожиданно удовлетворенно подумал я. И великодушно кивнул, принимая извинения.

Престарелый целитель меня изрядно утомил. Брал кровь, сканировал анализатором, ставил капельницы с питательными коктейлями. Обработывал и мазал кожу, чешую, штопал где считал нужным и делал инъекции. Колдовал над моим глазом, в конце манипуляций залив его каким-то гелем. Наложил плотную повязку и велел не трогать до следующего дня. Я не сопротивлялся, но хорошего настроения мне его действия не прибавили.

– Напоминаю, что никому ни слова, доктор Лансей, – строго обронила девушка, когда мужчина начал паковать свой чемоданчик.

– Да, юная госпожа, – склонил голову он, и скрылся в тумане.

Интересное обращение. Кто же она?

– Идем за мной. Я покажу тебе место, где ты сможешь пересидеть зиму, – уверенно распорядилась дамочка.

Зиму? Мне не хотелось бы застрять здесь так надолго. Но вовсе не факт, что я смогу выбраться раньше. Я не был болваном отказываться, и знал, что мне пригодится место, предложенное птичкой. Зимовать в траве я не хотел, несмотря на крепкий организм. Понятно, к себе домой она не могла меня пригласить. Неизвестного уroda из леса. Я и так был удивлен, что она возилась со мной, бескорыстно предлагая свою помощь. Или у нее все же была какая-то цель? Я еще совсем ее не знал, чтобы суметь понять настолько полно. И тем более, я не был кретином – отмахиваться от лечения. Месяцем ранее, я бы все отдал за такую возможность. Но даже сейчас оно приносило ощутимые результаты. Прошло совсем немного времени, как целитель закончил свою работу, а я уже почувствовал себя значительно лучше. Перестала зудеть и печь кожа в разных местах, прибавилось сил, мне снова не было холодно, а значит организм восстанавливался. А не просто перестал умирать.

Пигалица пыталась схватиться за сумку, которую принесла, и мне пришлось ее отобрать. Я не настолько болен, чтобы женщина сама таскала рюкзаки. К тому же, с предназначенными для меня вещами, а в этом я был полностью уверен.

Я послушно полз за девочкой, мы удалялись от реки наискосок в лес. Шли недолго, исчезли лиственные деревья, и в хвойных посадках я увидел дом, сложенный из обработанных бревен. Здесь туман был не так густ. Но домик и так был надежно укрыт невысокими, но многочисленными елками.

Неожиданно я почувствовал едва уловимый запах. Деревя и еловых прелых иголок. Жадно вдыхал, пытаюсь получить больше. Мир обретал краски. Без нюха шайрас как без хвоста. Нос наш самый верный друг, помощник во всем. Глаза могут не увидеть, не заметить, но обоняние не обманет.

Я старался принюхаться к птичке. Нет. Аромат леса – единственное, что я слышал. Он насыщенный и яркий сам по себе, неудивительно, что именно он первым определился едва восстановленными рецепторами.

– Это домик охотников, – пояснила девчонка. – Они живут в нем только летом. А в остальные времена года переезжают в другие места. Зимой в этой части леса нет животных, на которых можно охотиться. Мы стараемся сохранить общую численность животных и птиц. Наша луна очень маленькая, и так легко нарушить равновесие.

Луна. Вот и новая информация.

– Птичка, в какой системе находится ваша луна?

– Мара один из спутников Глизе 581с. И принадлежит нам. Наши предки колонизировали ее полностью на свои средства и силами своих людей. Поэтому луна собственность только моей семьи.

Мара. Наверняка луна получила название из-за туманов.

– Ты не испугалась меня, – я внимательно смотрел на девчонку, пытаюсь считать ее эмоции. – Давно вы знаете про нашу расу? Или просто встречались с такими, как я?

– Не особо давно. Правление Земной Коалиции за последние месяца два нам все уши прожужжало про вас. А ты пусть и большой, но не выглядишь опасным, – делилась птаха беззаботно.

Так значит.

– Жалеешь меня, девчонка? – застывшим голосом спросил я, пронзенный неприятной догадкой.

Кому нужна жалость? Мне точно нет.

– Жалею? – фыркнула громко девчонка. – Просто захотела помочь. И ты первый шайрас, которого я вижу живую. Я почему-то знаю, что меня ты не обидишь, – произнесла она, открыто глядя на меня.

Я не собирался ее обижать, но так глупо доверять чужакам? Придется с ней поговорить на эту тему. Очень обстоятельно. Что за наивная безрассудность.

Смутившись под моим суровым взглядом, птичка оставила меня, сославшись на семейные дела. Сказала, что ей пора и она придет завтра вместе с доктором. Настоятельно просила не удаляться от моего нового жилища. Здесь мне ничего не угрожает, но будет лучше, если меня пока никто не увидит.

Мне было чем заняться. Исследовать дом и поесть. День выдался интенсивным. Я почувствовал, как резко накатила усталость, очень уж насыщенным оказалось общение после длительного уединения и молчания. От полученной информации мысли кипели в моей голове, и возникла острая необходимость лечь спать.

Лесной дом оказался вместительным и для шайраса. Сразу от входа открывалось большое пространство. В центре добротный деревянный стол с широкими скамьями с обеих сторон, с одним окошком слева от входа, на противоположной стене небольшая зона для приготовления пищи со шкафом для готовки и кофейным аппаратом. Рядом очаг. Тут же аккуратно лежали дрова для растопки. Зимой я не замерзну. И есть где приготовить еду. Отлично! Я так устал питаться сырой рыбой. По правой стене стоял резной шкаф с открытыми полками, плотно уставленный посудой. Два шкафа у входа оказались кладовой с холодильной камерой, и гардеробом для обуви и одежды. Прилегающая комната справа – спальня, в ней я обнаружил четыре узкие кровати, две из них сдвинул вместе, чтобы комфортно уместить свой хвост. Здесь тоже было небольшое окно, и возле него стояло интересное глубокое кресло на дугообразных изогнутых деталях, прикрепленных к ножкам. Из спальни дверь вела в довольно большую санитарную комнату. Кроме обычного умывальника с унитазом, в ней располагались две деревянные бочки для купания. В них я не помещусь, но обмыться можно.

Покидая меня, птаха известила, что пульт управления домом находится в пристройке. Там я легко разобрался, как подать энергию и воду.

В доме имелось потолочное освещение, и при этом стояли свечи повсюду, даже в купальне. Такое странное сочетание технологичности и древности было интересным.

После той среды, в которой я жил с момента как очнулся, эти условия можно было назвать царскими.

Как я и думал, рюкзак был предназначен мне, там обнаружилась пара синих рубашек, девчонка посмеялась, что взяла самые большие из найденных на складе. Также в рюкзаке была фляга с ягодным напитком, и в металлическом герметичном контейнере разная еда: жаренное на гриле темное мясо полосками, ножки птицы и яркие овощи. На дне рюкзака я нашел овальную булку белого хлеба с дырявым упругим мякишем.

Прежде чем заняться ужином, я запер дверь изнутри большим засовом и отправился в санитарную комнату. Там, набравшись мужества, я впервые посмотрел на себя в зеркало. Все лицо покрывали затянувшиеся шрамы. Что ж, я думал, все будет гораздо хуже. Красавчиком меня не назовешь, но по крайней мере, поврежденное огнем лицо не выглядело тошнотворно. Уцелевший глаз блестел ярко-зеленым цветом. В каком состоянии второй, под защитной повязкой, я не имел понятия, но доктор обнадежил – шансы на восстановление есть, если мы сможем регенерировать роговицу.

В шкафчике в ванной я нашел новые полотенца, новую ионную зубную щетку и портативный очиститель. Опять эта смесь времен в одном месте. Вспомнил, что в пристройке была машинка для стирки и чистки одежды.

Пока в бочку набиралась горячая вода, я тщательно почистил зубы. Растворы и мази уже практически полностью впитались в тело, поэтому я не побоялся смыть остатки водой, врач нанесет завтра новые. Пусть частями, но я с превеликим удовольствием мылся в теплой чистой воде. Отмыл найденным шампунем до скрипа волосы. Они были очень короткие. И выросли неравномерно, оставляя голые участки, из-за поврежденной ожогами кожи.

После водных процедур, расположившись за столом, я с аппетитом съел все принесенное заботливой птичкой.

Как ни странно, но именно сейчас, сидя в этом доме за ужином, впервые за время нахождения на луне, я почувствовал... одиночество.

Глава 4. Обоснование

Утро ознаменовалось новой неожиданностью.

Резко открыл глаза от стука во входную дверь. Но это еще не все. Причиняя выраженное неудобство, вплоть до небольшой боли, в паховые пластины мне упирался... да.

Мне хорошо было известно, что в человеческом теле комфортнее по утрам. И похоже, неоднократно пользовался ногами, так как «помнил» ощущения, каково быть в другой форме.

Целитель понимал, что делает, его лечение и улучшение питания пошли на пользу моему организму. Тот передумал умирать и проснулся как полагается здоровому шайрасскому мужчине. С тихим шипением я раздвинул пластины в стороны. Облегченно выдохнул. Напрочь в этот момент забыв о том, что немного ранее кто-то стучал в дверь.

Мой тонкий слух уловил шуршание двух пар ног и тихие голоса.

– Я предупреждал, юная госпожа, что шайрас будет восстанавливаться и спать много, – тихо произнес целитель. – Зря мы торопились и явились в такую рань.

Сколько времени? Выглянув из спальни, посмотрел в окно. Рассвет. Вот неугомонная птаха! Хмыкнув, опустил взгляд вниз. И что мне теперь с этим делать? После затяжного спящего состояния, похоже, он не намеревался быстро сдаваться.

Вернувшись в спальню, отыскал принесенную мне синюю сорочку и наспех надев, застегнул все пуговицы на пути обратно. Отодвинул засов и распахнул дверь своим утренним гостям. Ни на секунду не забывая, кто настоящий гость в этом доме.

– Доброе утро, – радушно кивнул я пришедшим. – Прошу прощения, но мне нужно в уборную. Только проснулся.

Девчонка удовлетворенно пробежалась по мне глазами. Сверху вниз. Широкая длинная сорочка надежно спрятала что должна была, и я немного расслабился. Ничего не заметила. Происходящее было естественным, но в мои планы не входило смущать юную птаху, хотя я и не звал посетителей в такую рань. Но я взрослый огромный мужчина, а девочка даже по людским меркам очень молода. Целитель захочет обработать ожоги, мне придется раздеться, а значит мне нужно привести себя в вид, который не шокирует пигалицу.

– Не торопитесь, молодой... эээ... шайрас, – произнес целитель Лансей. – Мы приготовим с юной госпожой завтрак. А вы приведите себя в порядок, – он выразительно поднял брови.

У меня не осталось сомнений: пожилой доктор был в курсе моих текущих затруднений. Не сдержав усмешку, я скрылся в гигиенической комнате.

Позже мы не торопясь поглощали завтрак. Рецепторы вяло просыпались, я с удовольствием вдыхал аромат кофе и жареных колбасок. Хрустел хлебом, намазав его белым сыром и зеленой пастой, вроде как оливковой. Девочка пила чай бледного цвета, что выращивала ее семья тут, на Маре, и пояснила, что не любит кофе за его горький вкус. Мы же с целителем не отказывали себе в этом напитке. До нормального нюха мне было очень далеко. Но после того, как я чувствовал одну гарь, а потом совсем ничего – это уверенное движение вперед.

Следом настал черед неприятной части визита. Сегодня доктор знал, что его ждет, поэтому и подготовился более тщательно. Я терпел все его медицинские манипуляции, разглядывая птаху, когда была такая возможность. Отвлекался подобным образом от неотвратимых процедур.

Красивая. Темные волосы, золотистые глаза. Тонкая, как веточка. Внешне и не скажешь, что внутри этой дамочки боевой воробей.

– У вас диссоциативная амнезия, – после короткого опроса поставил меня в известность целитель.

Я мог наложить повязку и сделать многое другое, чтобы экстренно спасти жизнь. Но данный термин мне ни о чем не говорил.

– Подобный тип амнезии характеризует потерю памяти о своей личности, но с сохранением общей информации. Проходит со временем. Сильный стресс и ушиб головы могут вызвать подобные патологии, – разъяснял седовласый мужчина, видя мою растерянность.

Я кивнул ему, дав знать, что его объяснения мне понятны.

– Юная госпожа, – он повернулся к птичке. – без операционной и капсулы мы скоро достигнем предела в излечении. Поговорите с отцом. Нам нужно пересадить роговицу на поврежденный глаз, остальное доделают капсула и регенерация шайраса. И я предлагаю отсканировать лицо и сделать моделирование, тогда я смогу провести реконструкцию лица. Не зря я отдал столько лет пластической хирургии, пока не пришел на службу семье Морелли.

Птаха поморщилась и отрицательно качнула головой в стороны.

Она так боится своего отца? Или у того есть причины недолюбливать представителей моей расы?

– Я позабочусь об этом, доктор Лансей. Ваша задача вылечить его, – включила командирский режим девчонка.

Меня это от души забавляло. А доктор и думать не смел ослушаться.

Так и потянулись дни моего восстановления.

Птаха являлась ко мне каждое утро с целителем. Док выполнял необходимые манипуляции, мы завтракали вместе. И они уходили.

Связи и каких-либо технологичных устройств мне не полагалось. Обычные меры предосторожности. Но меня снабдили книгами, чтобы я окончательно не заскучал. По выращиванию чая и хлебопечению. То ли птаха решила, что мне это интересно, то ли так изощренно смеялась надо мной. Ничего, позже я разберусь с наглой девчонкой.

Когда я начинал зевать над способами кормления закваски или методами сбора первых чайных листочков после зимы – приступал к физическим упражнениям. У меня не было больше причин быть немоощным и недееспособным. По первости было больно и тяжело так, что пот лился ручьями и сердце гулко заходило в груди. Потом становилось легче. Тело само вспоминало упражнения: общефизической подготовки и что-то из боевого арсенала.

После обеда пигалица приходила уже одна. Со своей скрипкой. Бесстрашная глупышка.

Как оказалось, девчонка обладала отличным музыкальным вкусом. И талантом. Трудолюбия и упорства в ней точно было немерено. Хорошая девочка. Я знал, что мне нравятся такие. Со стержнем внутри.

Я слушал музыку, которую она извлекала своим необычным инструментом. И Поглощал местный улун, неожиданно открывшийся для меня. Почему-то я думал, что не люблю такой чай. Его-то и выращивала семья птички на этой луне. Идеальный климат с достаточной влажностью, солнечным летом и сырой, но не морозной зимой, которая и обеспечивала чайным кустам период покоя на южных склонах. Что-то я узнал из книг, а что-то от непосредственной девчонки, болтающей все время, что не была занята музыкой.

Так я и терпел ее болтовню. Почти ни о чем по большей части. Ценных сведений я не узнал, кроме некоторых мелочей.

Но информации по производству чая и его ферментации было вдоволь. А также о выращивании трюфелей, особенно очень дорогих синих. Чем ценных птичка еще не призналась, наверное и это секретная информация. Но я узнал, что именно с целью их выращивания

Морелли и основали Мару. Бизнесмены во многих поколениях. Неудивительно, что единственная дочка хозяина со своей любовью к музыке и скрипке не вызывала восторга, а только отеческое смирение.

Я осторожно выяснял интересующие меня вопросы, постепенно выстраивая картины в голове, латал пробелы и анализировал. Спешить мне некуда. До тех пор, пока глаз и лицо не восстановлены, я не сдвинусь дальше.

А еще мне нравилось, что я не один. Так просто. Нравился высокий звонкий голос юной госпожи Мары. Настоящая птаха.

Погода замерла на текущей точке. Я все чаще выходил наружу, дышал свежим воздухом. Перенес часть своих тренировок на улицу, уже не боясь замерзнуть или повредить тонкую кожу.

Дни шли.

Пока однажды утром девчонка не объявила, что готова тайком провести меня в дом для дальнейшего лечения.

Глава 5. Новая ступень

Я и ждал этого. И... Сомневался?

Возможно.

Мне предстояло разрешить погрузить себя в беспамятство, когда я ничего не смогу контролировать. В полной мере так и не понимая, что представляет из себя семья Морелли. Как и девчонка, спасшая меня от жалкого скитания.

Птичка, я был уверен, не намеревалась мне наносить вред. Сильно затейливый способ тогда она выбрала. Было проще прикончить или пленить меня раньше, ослабленного и израненного. Чем лечить и откармливать. Так же, как и давать приют.

Но ее истинные мотивы мне были неясны.

Вопросы. Вопросы.

Я потерял память, а не ум. Но ему не хватало сведений достроить картину до логического конца. А меня намеренно держали в информационном вакууме. Пробелы рождали лишь сомнения.

Я попаду в дом Морелли. А это значит, что у меня будет шанс узнать что-то совсем отличное от способов ферментирования улуна. Если будет в моих силах, постараюсь чаще бывать в доме птахи.

– Мы пойдем на закате. Во время смены охраны на смотровых башнях. Наши предки построили усадьбу по старинным эскизам, очень далекими от современной архитектуры. Не удивляйся, – с серьезным лицом известила меня девчонка, перед тем как мы отправились к ней домой.

Сегодня она пришла не в привычном длинном пальто, а в брюках и сером коротком бушлате. Мне принесла теплую куртку, но я, проводя довольно много времени на свежем воздухе, не замерзал и в сорочке. Поэтому, поблагодарив, оставил куртку в доме. Может она и пригодится, если температура упадет ниже.

Я отлично видел в сумерках, даже одним глазом. Девчонка тоже шустро шагала впереди, невзирая на плотный туман и недостаток освещения. Она быстро сошла с тропы, уверенно ведя к цели сквозь лес.

Вот и река. Через нее перекинулся висячий канатный мост, своим вторым концом теряясь в тумане. Не зная точного местоположения, сложно его обнаружить. Из тонких дощечек, узкий. Один человек за раз пройдет. Шайрас? Сомнительно.

Птаха не оборачиваясь и не ведая страха, пробежала по мосту и скрылась в тумане. Пига-лица, по-видимому, недооценила мои габариты и вес в данном обличии.

Буду перебираться вплавь. Но дождусь, когда резвая девочка вернется. Я бы хотел сохранить рубашку в сухом виде. Поэтому не торопясь начал ее расстегивать, когда слышал легкий топот по дощечкам.

– Чего ты ждешь? – затормозила она передо мной, нетерпеливо спружинив на месте.

– Не находишь, что мост маловат для меня, девочка? – невозмутимо спросил я и вернулся к своему занятию.

Глаза птахи вперились в мою грудь, туда, где пальцы ловко вынули очередную пуговицу из петли.

– Хочешь помочь? – озорно улыбнулся я. Как не подразнить это создание?

Птаха моментально вспыхнула алым. А мне оказалось по вкусу ее смущение. Растеряла свой боевой пыл, но не сдалась. Так и продолжила стоять, вперив в меня упрямый заинтересованный взгляд.

И я уловил погашенный удивленный вдох, когда снял с себя рубашку. Понимаю. Лечение, еда и физические упражнения вернули мне хорошую форму, может, не настолько отличную, как было когда-то, но я сам замечал перемену. Кожа зажила, оставив кое-где рубцы. Вероятно, я не наел свои прежние объемы, но точно не походил на заморенного наага из реки. На теле рубцы и шрамы не смотрелись так плохо, как на лице. Может, потому что не исказили черт и повреждения были не столь глубоки.

Мне понравилось восхищение во взгляде птички. Так вкусно, что я захотел попробовать ее сам.

Но нет. Я умел держать свой хвост в руках. Не допускал и мысли увидеть в этих золотистых глазах страх и отвращение. Она совсем девчонка. А мне уже явно больше пятидесяти. И я не имел право забыть о своей главной цели: выяснить, кто я и вернуться домой. Может быть, я не одинок? Чей женский голос звал меня ночами? Я уже давно не слышал его, но все так же хорошо помнил.

Всучив рубашку замершей птахе, я скользнул в холодные воды реки. Мне самому требовалось отрезвить голову. Как бы ни была хороша эта девчонка, я не имел права на большее, чем есть сейчас. И мой нюх молчал. Неважно, по каким причинам, но это было весомым аргументом засунуть свой возникший интерес подальше. И мне задачка – быть умнее и впредь больше не провоцировать пигалицу.

Я не стал ждать пока высохну полностью, мрачно глядел на текущие воды реки и молча одевался, не чувствуя холодного ветра на мокром теле. Девочка, заметив мое изменившееся настроение, тоже притихла. Я думал, как мне отстраниться от нее, не обидев. Она с первого дня нашей встречи помогала, была рядом, да и не виновата была в моих сложностях.

Очнулся от прикосновения тонких прохладных ладошек к моим изуродованным щекам и наткнулся на прямой взгляд янтарных глаз. Разинуть рот мне тоже не дали, шустро накрыв его пальцами, едва я хотел воспротивиться этому контакту.

– Смирись, шайрас. Ты под моей ответственностью, и я никуда не денусь. Вылечим тебя, а потом будешь думать, – пронизательно заявила мне она. – Идем, доктор Лансей ждет.

И развернувшись, двинулась дальше, пробираясь по тропе, что петляла через плотные заросли кустарника. За рекой лес закончился.

Мне оставалось скользить вслед за ней. По дороге я облизывал губы, пытаюсь понять и запомнить аромат ее кожи, насколько мог его ощутить.

Когда достигли стен усадьбы, небо окончательно потемнело. Мы стояли у странного места. К этой части стены изливалась река и создавала заболоченность. Из неглубокой стоячей воды торчали почерневшие корни деревьев и трава с острыми узкими стеблями.

Птичка молча кивнула в сторону стены, намереваясь идти дальше по воде. Не задумываясь, я подхватил юркую пташку, не хотел, чтобы она мочила ноги в холодной воде, тем более, мы здесь из-за меня. Девочка не стала сопротивляться. А молча рукой указала путь. Я полз по указанному направлению и скоро наткнулся на проем в стене, закрытый металлической решеткой. Она была заперта электронным замком, который птаха открыла ключ-картой, извлеченной из поясной сумки. Морелли были оригинальны в строении жилища. Руководствуясь

старинными чертежами в создании своего дома, наверняка имели ярко выраженные амбиции. Куда проще охранять дом, имеющий современные технологичные формы.

С трудом протиснувшись через вход с девчонкой на руках, я остановился, возвращая решетчатую дверь на место. Мы находились в сквозной арке, по другую сторону которой тоже была решетка, аналогичная первой. Вода здесь заканчивалась, так как дальше грунт резко поднимался. По обе стороны стен – тяжелые двери. Девчонка ловко выпуталась из моих рук и соскользнула на землю. Достала другую карту и открыла левую дверь.

– Постой, – остановил я ее, прежде чем мы пошли дальше. – Ты уверена, в том, что делаешь? Почему тайно? Не будет ли у тебя проблем?

Девочка морщилась, жевала губу, перед тем как ответить:

– Мой отец – сложный человек. И недоверчивый. Он начнет допрашивать тебя, расследовать: кто ты и откуда. Тогда твое лечение затянется на неопределенный срок. Я поговорю с ним, как только мы восстановим поврежденный глаз! А вдруг ты вспомнишь себя за это время? Тогда все станет проще.

Я придвинулся к ней ближе и осторожно коснувшись плеча рукой, ожидал, когда птичка на меня посмотрит.

– Почему ты решила помочь мне, девочка? Говори как есть, – мягко давил я голосом, намереваясь заполучить ответ.

– Не знаю, – она пожала плечами, затем гордо вздернула подбородок, чеканя каждое слово: – Увидела и поняла, что должна помочь. И знаю: мое решение было верным!

– Я не останусь в долгу, птичка, – пообещал я, принимая ее объяснение.

Каменные коридоры. Темень. Лестницы то вверх, то вниз.

Заставить бы того, кто это построил перемещаться здесь с хвостом!

Птаха нацепила налобный фонарь и бойко перебирая стройными ногами, неутомимо мчала вперед. Я как мог запоминал маршрут и отмечал детали. Наш путь по темным коридорам закончился у невысокой узкой двери, через которую мы пробрались во вместительный зал с высоким округлым каменным сводом. Медицинский блок. Сомневаюсь, что единственный, навряд ли тогда его бы прятали чуть ли не в подzemелье. Снова огляделся. Мониторы, столы, лабораторные и с медицинскими инструментами. Человеческая регенерирующая капсула. Часть зала была отделена в прозрачный бокс. Операционная похоже. Я сделал выводы по тому, чем он был начинен.

Мне стало жутко. В какой-то момент чувство опасности захлестнуло с головой. И билась одна мысль: уйти.

Но если уйду, что будет ждать меня дальше? Ничего. Я буду скитаться по Маре, пока не погибну. Может, мне удастся угнать корабль. Но куда я полечу? Космос – это не по планете болтаться. Я понимал, что вынужден рискнуть и довериться. Тогда, возможно, я смогу узнать больше и найти способ улететь с этой луны.

Холодные пальцы жгали мою ладонь, и я услышал шепот девочки:

– Верь мне. Я прослежу.

Здесь многое зависело не только от птички. Я в чужом месте. Должен буду позволить ввести себя в бессознательное состояние. Очнусь ли я? И где?

И снова ощутил крепкое пожатие на своей руке. Девчонка не подводила меня раньше. Я сделал выбор.

– Хорошо, – я дал согласие на то, чтобы двигаться дальше в лечении.

Едва успел выразить свое решение, как распахнулась другая дверь, не та, через которую мы тайно проникли сюда. В нее зашел доктор Лансей, и тут же запер ее изнутри.

– Я рад, что вы пришли, молодой шайрас. Приступим к вашему дальнейшему лечению. Сегодня я хочу заняться глазом.

«Если все пройдет как надо, скоро буду видеть обоими глазами», – подумал я, дав шанс вспыхнувшей надежде.

Глава 6. Исцеление

– Зачем вам операционная в таком месте? – подозрительно поинтересовался я.

У меня и в самом деле много вопросов. Опыты?

– Здесь мы лечим работников, – не задумываясь отвечала девчонка. – Особенно тех, кто находится на Маре не совсем легально. Официальная больница не для всех. И доктор Лансей здесь почти не бывает, он врач нашей семьи и приближенных отца.

Не врала похоже, я хорошо чувствовал ложь. А работники-нелегалы не моя трудность.

– Для начала я хочу тщательно изучить ваш глаз, – произнес доктор. – И если дело только в роговице, мы пересадим вам искусственно выращенный трансплантат. Манипуляции проведем под местной анестезией. После операции до утра вы будете восстанавливаться в капсуле. С вашей регенерацией полное восстановление займет дня два. Я сам буду приходить в дом за рекой и контролировать заживление.

Местная анестезия? Меня это устраивает. Так я буду все видеть, а не валяться в беспомощности.

Следующие часы прошли в сканировании и скрупулезном изучении всех структур глаза. Целитель подробно объяснял все свои действия и тут же озвучивал результаты. Как он и думал, сам глаз не пострадал. Только роговица. В этот момент я испытал невероятное облегчение. Я буду видеть! Сама операция если и пугала меня, то только недостатком доверия к людям, среди которых я находился.

Дальнейшие неприятные манипуляции я переносил стойко, цель была более чем оправдана. И расширитель в глазу, и многочисленные закапывания. Когда пожилой доктор убрал мою роговицу, я увидел свет. Резкий, бьющий в глаза, непроизвольно вызывающий слезотечение. Искусственный материал лег как родной, явив мне, пусть и расфокусированное, но изображение. Долго наслаждаться им не дали. Глаз тут же залили каким-то гелем и наложили повязку. В капсулу я укладывался с уверенностью, что буду полноценно видеть двумя глазами.

С лечебной капсулой тоже вышли сложности: мой хвост не помещался. Пришлось оставить часть снаружи, опустив крышку только на то расстояние, которое позволяла моя нижняя конечность. Хорошо, что мне не требуется подача кислорода или особые режимы капсулы, с этим бы возникли существенные затруднения.

В какой-то момент, отпустив контроль, я уснул.

С мальчишкой, копией меня, но чуть младше, мы крались в покои старшего брата, предварительно вырубив камеры в коридоре. Хихикали в предвкушении мести. Я прятал под ученическим кителем приз. Младший сначала отнекивался, но теперь и его карие глаза горели азартом.

Вредный старший снова подставил нас перед родителями: сдал, что мы хитрили на занятиях тактикой космических военных действий, подглядывая ответы, которые накануне предусмотрительно загрузили в личные коммы. Кому хотелось корпеть над изучением маневров и построением кораблей? Когда так не терпелось дурачиться и наперегонки ползать в саду. Поедать вкусные созревшие плоды и, конечно же, плавать в озере.

А в итоге мы с братом провели все утро после завтрака, очищая кукурузу на кухне большого дома, где проживала наша семья. Вручную. Пока старший брат резвился в теплых водах круглого водоема во внутреннем дворе.

– Не хотите учиться, будете хорошими работниками, – строго внушал отец, безжалостно отправив нас на кухню. – Любой труд важен. Не все вольны выбирать чем заниматься. Вы двое – можете. Так распорядитесь вашим преимуществом по уму. А тяжелый труд поможет вам определиться.

Мы приняли наказание. С отцом не спорят. Но, понимающе переглянувшись, приготовили брату сюрприз. Банку черных пятнистых пауков, отловленных ночью с фонарем во влажных подземных ходах под домом. Ядовитых. Брату наша проделка ничем опасным не грозила, но от укусов пауков зуд на ближайшие сутки ему обеспечен. И завтра, после утренней трапезы, в озере будем плавать мы вдвоем с младшим братом. А вредный старший проведет прекрасные часы у целителя.

Тогда мы не знали, что следующее утро застанет всех троих в подсобке за очисткой роботов уборщиков от пыли и грязи.

Потому что братьям негоже враждовать.

Проснулся резко. Отдохнувшим и полным сил. И очень голодным, как обычно после регенерации в капсуле. На это всегда организм тратит много ресурсов.

В этот раз видения были ярче. Я слышал звуки, чувствовал запахи, и картинки цветными пятнами мелькали перед глазами. Но вспомнить, что мне снилось не удавалось.

Нашел птичку рядом. Она спала. Скрючилась на неудобном стуле, оперев голову на руки, которые уместила на округлый бок капсулы.

И зачем меня караулить? Глупая птаха. Выскользнув наружу, я уложил девочку на свое место, та пробормотала что-то сквозь сон и вытянулась на удобном ложе. Капсулу я отключил и принялся ждать целителя, сам занял место на стуле, не заметив, как задремал снова.

Проснулся от возмущенных слов целителя.

– Самонадеянный шайрас! Почему не в капсуле? – бубнил тот, проверяя историю в системе. – Проснулся? Посмотрим на твой глаз и проведем тесты. Но хочу обозначить следующее: если я лечу тебя, молодой шайрас, то никакой самостоятельности в медицинских вопросах! Или я отказываюсь.

Что я мог сказать? Пожилой целитель полностью прав. Мне оставалось согласиться на выдвинутые условия.

От голоса доктора Лансея проснулась и птичка. Пока целитель отклеивал защитную мембрану с моего глаза, я украдкой наблюдал, как девчонка потягивается, расчесывает пальцами длинные темные волосы, трет лицо. Непроизвольно облизнулся, испытывая желание узнать, какая она на вкус. Сонная птаха. И такая сладкая. Тут же отвесил себе мысленный подзатыльник, напоминая, почему нельзя ее трогать. Я должен улететь и вспомнить. А ее будет ждать другая жизнь. Наши пути разойдутся. И вопрос состоит не только в моем внешнем уродстве, я уже убедился, знаний и умений местного доктора достаточно, чтобы это исправить. Но я точно не собирался пользоваться птахой в угоду мимолетно возникшему желанию.

Задумавшись, я не сразу понял, что идеально вижу обоими глазами. Позже я еще испытаю починенный глаз в темноте и в сумерках, но уже понимал: вижу отлично. Как же я устал от плоского изображения и урезанного обзора. Осталось вернуть знаменитый шайрасский нюх. Оказывается, даже внешность меня не заботила так, как вечный вопрос: восстановится ли мое обоняние?

Терпеливо выносил все тесты и исследования доктора, и наконец он вынес вердикт, что зрение мое полностью восстановлено.

Далее я без особого энтузиазма отнесся к сканированию лица. Но я понимал, что это необходимость, мне будет проще в жизни с нормальным лицом, чем с обезображенным. Ясно, что полностью воссоздать его прежним маловероятно по той причине, что у меня нет своего изображения, и я даже не помнил, как выглядел раньше.

Так и наступило предрассветное время, когда мне пришла пора уходить.

Как только ткани глаза полностью приживутся, доктор Лансей сможет приступить к следующему этапу моего лечения. А я должен буду понять, готов ли я довериться снова.

Несмотря на все мои уверения, что доберусь сам, птичка настояла на том, что проводит меня. Но прежде целитель заставил поесть и влил в меня еще пару концентратов странной субстанции. Девочка отказывалась от еды в столь раннее время. Понятно, почему она тонкая как ветка, ничего не ест. А ведь сама не спала всю ночь и ходила за мной в лес, не мешало и ей подкрепиться перед дорогой. Я же проглотил выданный мне рацион минут за пять и не поморщившись запил положенными питательными коктейлями, весьма противными на вкус.

Пожилой доктор вновь заклеил прооперированный глаз мембраной, наказав не мочить, не чесать и всячески беречь роговицу, пока она полностью не приживется.

Учитывая его наставления, у меня назрела новая проблема с возвращением. Я не мог проползти по тому мосту, как бы ни старался. И остаться здесь тоже было нельзя. Мало ли кого из работников приведут на лечение, и персонал, работающий в клинике в дневное время, скоро прибудет.

Птаха заверила меня, что есть другой мост, но дорога к нему более длительна. За неимением другого варианта я предложил выдвигаться.

Обратный путь по подземелью к выходу мне был уже знаком, но я все равно не упускал из виду повороты, лестницы и переходы, чтобы точно отложить их в памяти.

Дорога вдоль реки до другого моста, по которому я мог продвигаться, заняла почти в два раза больше времени, чем до веревочного. Птичка уже еле переставляла ноги, и я подхватил ее на руки. Земля к утру остыла, покрывшись изморозью.

«Доберемся до лесного дома, заставлю поесть и отдохнуть, прежде чем отпущу обратно», – решил я, скользя к цели. Бережно прижимал к себе хрупкую птичку, которая пригревшись на руках, доверчиво положила голову на мое плечо.

Аккуратно стянув с девочки бушлат и сапоги, положил ее на свою кровать и накрыл одеялом, дома было прохладно для человека. Другие две кровати так и стояли не заправленные за ненадобностью.

Вначале я добавил отопление, выставив его на двадцать четыре градуса. Мне же вполне комфортно жилось и при восемнадцати по Цельсию. Включил нагрев воды, чтобы, проснувшись, она могла с комфортом умыться, и тихо выскользнул на кухню. Нужно озаботиться завтраком. Я умел готовить незамысловатые, но вполне вкусные блюда. В духовом шкафу запек воздушный омлет с сыром и томатами. На гриль-сковороде поджарил жирные мясные колбаски, у меня ими оказался забит весь морозильный шкаф. Сделал тосты и намазал их зеленой пастой из оливок и вяленых помидор. Себе я привычно приготовил черный кофе, а девочке – ее любимый улун, помнил, птичка не пьет кофе вовсе. Не зря в одиночестве я штудировал книги, как правильно заваривать чай. Пора было будить птаху.

В спальне замер, глядя на спящую девочку, которая обняла мою подушку и громко сопела, безмятежно погрузившись в глубокий сон. Осторожно провел рукой по ее щеке, убирая спутанные волосы. Жаль будить, но девочке нужно поесть. Пусть потом спит дальше.

И поймал себя на мысли: «Очень уж странно я веду себя для шайраса, что решил держаться подальше от девочки».

Глава 7. Проблеск

Последующие два десятка дней были подозрительно похожи один на другой.

И вот наступил момент, когда можно было сказать: я полностью здоров. Не учитывая таких нюансов, как память и полноценный нюх. Но они могут никогда не вернуться. Если бы мне была доступна шайрасская медицина сразу после травм и хотя бы обычное полноценное питание, а не одна холодная речка и противная сырая рыба, мне потребовалось бы значительно меньше времени на регенерацию. О перенесенных мучениях я вспоминать не хотел. Это осталось давно позади.

Кожа и хвост полностью восстановились, как и лицо. Я не уверен, что выглядел именно так, но меня устраивало то, что я видел. Доктор Лансей по результатам сканирования черепа, мышц и оставшихся целых участков кожи, предложил мне четыре смоделированных изображения лица. Я выбирал почти наугад. Возможно потом, когда я вспомню себя, новый облик будет доставлять неудобства. Но сейчас мне было почти все равно. Модели лица не очень значительно отличались друг от друга, и похоже, я был весьма недурен собой в прошлой жизни. Может, правильным решением было подождать, когда память вернется, и уже потом заниматься лицом. Но когда это будет, я не знал. А выбраться с Мары и искать свой дом, я планировал как только у меня появится для этого первейшая же возможность. Жить со шрамами и привлекать к себе излишнее внимание подходило мне куда меньше, чем вероятно измененная внешность. Привыкну.

Операцию по восстановлению лица пожилой целитель проводил в несколько этапов. На рассвете я непременно возвращался в дом в лесу, и всегда в сопровождении птички. Никакими силами не удавалось отделаться от этой настырной пигалицы. Сильной духом и упрямой настолько, что мне порой хотелось ее укубить за маленькую, но аппетитную задницу. Которую птичка периодически демонстрировала, приходя в обтягивающих брюках.

После операций и под воздействием лекарств я часто дремал сидя, покачиваясь на кресле у окна. Я заметил его в первый же день пребывания из-за его забавной конструкции и перетащил из спальни. Оказалось, в нем вполне комфортно сидеть, куда лучше чем на деревянных лавках, не сильно удобных для шайрасов в их змеиной форме. В кресле мне было значительно проще соблюдать предписания врача после оперативных вмешательств – находиться в вертикальном положении. А не спать, отключившись лицом в подушку, как я любил.

Птичка играла. Каждый день оттачивала произведение какого-то великого композитора, погрузившись в исполнение с головой сливалась со своим инструментом, и неизменно притягивала слух и взгляд. Готовилась к экзамену для поступления в консерваторию на Земле, где-то на Азиатском континенте. Не зная,пустит ли ее отец или все же воспротивится и обяжет вести с ним семейные дела. Кроме птички, ему некому передать свои угоды и усадьбу, размером с приличный замок.

А еще она много болтала. Больше особо не таясь. Семья Морелли была в Земной Коалиции единственным поставщиком синих трюфелей и редкого сорта чая Да хун пао. Его, помимо Мары, выращивают и ферментируют только на Земле. Мне стали отчетливо ясны вложения этой семьи в когда-то необитаемую луну, но с подходящим климатом. И желание Леона Морелли все оставить единственной дочери.

Как я узнал, освоена была только малая часть Мары. Наиболее теплая, и подходящая по рельефу для нужд семьи Морелли.

Больше никто на луне не жил, это было запрещено единоличными собственниками.

В один из дней, умываясь и разглядывая себя в зеркало, я плюнул на свои прежние решения. Нельзя отрицать, что птаха привлекает меня сильнее с каждым днем. Может, я просто привык к ней. А может, это было чем-то бóльшим. Но совершенно точно, не связанным с моей благодарностью ей за спасение. Теперь я выглядел нормально, больше не урод, обезображенный огнем. И не немоощный больной шайрас. А главное, спустя столько дней так ничего и не изменилось: никаких новых воспоминаний, видений, даже во сне. И тот голос... Уже почти не помнил, как он звучит, мне осталось одно имя.

Ссашшин...

Я прекрасно понимал, гарантии, что память вернется нет. Как ее и нет, что нюх полностью восстановится. Видя возросший интерес птички ко мне, я решил больше не быть с ней холодным. И отчужденным.

Поэтому я выбрал жить. А дальше время все расставит по местам.

Дождлся птаху. Она так и приходила каждое утро. Мне не требовались больше присмотр и лечение. Но ежедневно звучал стук в дверь. Я ждал этого. И если бы птичка не пришла, сразу понял бы: случилось что-то непредвиденное.

Девчонка забежала мокрая, не взяла защитный купол от дождя. Что за беспечность?! Люди так легко простывают. Зима уходит с этой части Мары, но холодные дожди и туманы еще регулярны.

Я сердился, стягивая с заледеневшей птахи промокший плащ, тонкие кожаные сапоги и мокрые носки с покрасневших от холода узких ступней.

Посадил девчонку у очага, завернул в плед и всучил в руки большую кружку с горячим чаем. Из мокрого кофра извлек скрипку, чтобы не отсырела. А сам скользнул в санитарную комнату, нагреть воды и набрать бочку. Заставлю греться, пока кожа не покраснеет, как цветок мака.

Вернувшись, я нашел воробушка с торчащей шевелюрой за приготовлением еды. Босую на холодном полу. Досадливо фыркнул.

– Почему ты босиком?! – не сдержавшись, рявкнул я и тут же пожалел об этом.

Девчонка испугалась, громко ойкнула и, дернувшись, спихнула тарелку со стола. Та громынула об пол и разбилась на мелкие осколки, смешиваясь с помидорами и сыром, что нарезала туда птичка.

Скрипнув зубами, я забрал нож из тонких холодных пальцев.

– Извини, я не хотел тебя напугать. Ты вся продрогшая! Зачем взялась за нож? Ты голодна? Сам приготовлю! – и не давая ответить, подхватил на руки и потащил птичку к бочке. – Но сначала греться!

– Отпусти меня! – возмущалась девчонка по дороге. – Почему ты командуешь мной! Поставь меня! Немедленно! На место! – не прекращала трепыхаться она.

Чем вызвала у меня лишь довольную ухмылку. И задор. Засуну девчонку в бочку, чтобы она ни говорила.

– В следующий раз не будешь ходить под дождем без защитного купола, – елеиню предупреждал я, неся в ванную. – И в легкой одежде.

Наконец поставил девчонку на пол рядом с полной бочкой горячей воды. Та тут же упрямо задрала голову, сверкая золотистыми глазами. Возмущенная птаха, аж щеки горят.

– Я не полезу в воду! Согласна посидеть у очага, на этом все, – предельно твердо заявила она.

– Я помогу, – ухмыльнулся я и, не обращая внимания на мелкие кулачки, что колотили меня по груди, ловко стянул с нее свитер и брюки. Отметив, что те тоже были влажные и нуждались в сушке.

И подняв невесомую птичку, поставил в воду. Попутно отметив красивое темно-синее кружевное белье на ней. Девчонка перестала сопротивляться, это было уже бесполезно. И заметив мой жадный взгляд на своей груди, быстро скрестила руки закрываясь и погрузилась в воду по шею. Она покраснела еще сильнее. Румянец покрыл не только щеки, но и лоб, и аристократичную высокую шею.

– Теперь и волосы намокли, – буркнула она, уставившись в воду перед собой.

«Мать наша, Кадру. Совсем потерял голову», – разозлился я на себя. И начал рыться в шкафчиках над раковиной в поисках того, чем можно было бы собрать волосы.

Найдя непонятные длинные зажимы, протянул пташке.

– Годится? Я отправлю в сушку твою одежду. Оставлю здесь свою чистую рубашку. Будь благоразумной, позови меня, когда будешь готова. Запасных носков и обуви, как ты понимаешь, у меня нет, – ухмыльнулся я. – Поэтому я сам отнесу тебя к очагу. Или снова придется греться. Только в таком случае я буду рядом все время. Понятно, птичка? – коварно шепнул я ей, наклонившись к уху.

Дождавшись молчаливого кивка, отправился на кухню. Готовить завтрак строптивой птахе. И себе. Стараясь не вспоминать микроскопические синие трусики и розовые торчащие от холода соски, хорошо видневшиеся под темным кружевом. По которым мне захотелось пройти языком. Прямо так. Не снимая белья.

«Не сильно рьяно ты распустил слюни, шайрас?» – одернул я себя.

Я ничего подобного не планировал. Дерзкая птаха сама нарвалась.

Сосредоточился на завтраке... И старательно двадцать минут занимался приготовлением еды, после того как собрал с пола испорченную еду с разбитой тарелкой, убедившись, что нигде не осталось осколков. Пока меня не окликнул звонкий голосок, давая знать, что пора нести строптивную дамочку к очагу.

В ванной меня ждал надушенный розовый воробушек. Прогрелась. И оделась. Рукава закатала, а подол рубашки не доходил до колена всего на пару ладоней. В кулачке девчонка держала свое белье. Не смог сдержать улыбки, за что был награжден суровым взглядом.

– Не злись, птичка, и не бойся. Я никогда не обижу тебя. Но вряд ли простуда входит в твои планы, – урезонивал ее я, и усадив в кресло, закутал ее стройные обнаженные ноги в плед.

Протянул птахе тарелку с едой. Богатой фантазией по части кулинарии не обладал, поэтому снова приготовил колбаски, хлеб с сыром и отварил яйца. Эти продукты здесь имелись в достатке.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

Та насмешливо подняла темную бровь:

– Я уже думала, ты никогда не поинтересуешься, шайрас! Мое имя Аделин.

– Красивое! И тебе очень подходит, птичка, – сказал ей, что думаю я.

– А ты? Не вспомнил, как зовут тебя? – с живым участием спросила та.

И я решил поделиться. Так будет честно.

– Не уверен. Но мне кажется, что меня зовут Ссашшин.

Глава 8. Виток

Двадцать два.

Столько лет оказалось моей спасительнице. Озвученный птичкой факт вынудил меня притормозить в своих аппетитах на эту девушку, так резко проклюнувшихся во мне. Я видел, что она молода, но манера командовать и ее уверенность вводили в заблуждение.

«А сколько для тебя приемлемо, шайрас?» – усмехнулся я про себя.

Когда одежда девчонки высохла и она оделась, мы продолжили греться у очага. Мне было так спокойно и уютно с ней в этом доме. Не знаю, был ли я одинок в той, другой жизни, наверно да. Ощущения, когда я оставался один, были такими привычными. Но рядом с птахой я встряхивался. Сухая цель найти дом и вспомнить себя обрастала разными желаниями: разговаривать, вкусно есть, строить планы. Жить, а не выживать. И до зуда в ладонях и клыках, я хотел заполучить девчонку, сидящую передо мной.

Ее разморило от еды и тепла. И, похоже, она никуда не спешила сегодня.

– Твой отец знает, где ты проводишь время? Не теряет тебя, когда подолгу пропадаешь здесь? – задал я интересующий меня вопрос.

Аделин пожала хрупкими плечами.

– Я всегда много времени провожу в лесу и на реке. Папа привык. И здесь безопасно. Посторонних нет. Никто не летает сюда просто так. Кому интересна сельхоз-луна? – смеялась она. – А для посетителей и вывоза груза у нас одна зона вылета.

Это не дало мне ответа на вопрос, почему мой падающий корабль не был замечен.

– А мне главное, успеть прибыть к ужину. Это наш совместный прием пищи, а остальные – как получится. К тому же на мне организационные домашние дела. Проконтролировать отчеты по дому, дать распоряжения. Регулярно я проверяю многочисленные владения на предмет порядка, каждый день осматриваю небольшую часть усадьбы. Персонал быстро расслабляется без контроля. Когда я просыпаюсь, обычно папа со служащими уже улетают по участкам. Особенно рано ему приходится покидать дом, когда идет сбор крупных партий самого ценного урожая. За один центнер синих трюфелей можно купить «Дельту», – поделилась она, заставив меня удивленно моргнуть.

Занятные грибочки они тут выращивают. Я знал, что трюфели дорогие, но понятия не имел, насколько огромна стоимость загадочных синих.

– А мы выращиваем и собираем от двадцати до тридцати центнеров за сезон. Сейчас начинается период срезки основного урожая. Без специальных холодильных шкафов с особой атмосферой, грибы хранятся всего до четырех земных суток, поэтому транспорт ближайšie две недели будет заходить на луну каждый день, иногда и не по разу.

Возможно, это мой шанс улететь с Мары? Но я бы предпочел сначала получить доступ к информации, а не покидать Мару как преступник. Меня не засекли во время посадки. Но если я хочу все сделать по уму, мне нужно познакомиться с Леоном Морелли.

– Чем особенны синие трюфели? Почему на них такая дорогая цена? – решил я воспользоваться моментом, пока птичка охотно все рассказывает.

Та таинственно сверкнула глазами, пообещав меня накормить блюдом с этими необычными грибами.

– Ты никогда не рассказывала про маму, – осторожно спросил я Аделин.

И пожалел об этом. Она быстро из расслабленного состояния подобралась, отгородившись. Закуталась в плед, который ей был уже не нужен и до этого просто в беспорядке лежал рядом у ее ног.

– Она сбежала с папиным управляющим, – буркнула девчонка. – Уже все в прошлом. Мы с папой привыкли.

Привыкли. Может и так. Но пройти бесследно для птахи поступок матери не мог. Как давно они остались вдвоем с отцом?

Подумал было, что неприятный разговор на эту тему закончен, но Аделин продолжила:

– Мне было тринадцать. Мама хотела забрать меня, но папа не отпустил. В никуда... и с людьми, которым он больше не мог доверять. Отцу было больно, но он держался ради меня. И сельское хозяйство нельзя забрасывать. Не поставишь один раз продукцию, и про крупные контракты можно забыть. Морелли всегда выполняют свои обязательства, – гордо задрала она маленький носик, вынуждая меня улыбнуться.

Вот почему она такая. Ей пришлось стать помощницей для своего отца. И в тринадцать лет лишиться мамы, когда еще самой так нужна материнская ласка и забота. Станешь самостоятельной против воли.

– Тогда ты и занялась музыкой? – мягко спросил я.

– Да. Музыка всегда манила меня. А в тот год мы полетели с папой на Проксиму b, заключать новые контракты. Раньше этим занимался его управляющий по большей части. Или он летал сам, а я оставалась дома с мамой. Но нового проверенного человека не было, и меня он одну не оставил на Маре, так мы и полетели вместе, – погружалась в воспоминания птаха. – Там в ресторане мужчина играл на скрипке. Я влюбилась в это изящное и напористое звучание и столь необычный инструмент. Сейчас мало кто играет и пишет музыку сам, когда любые произведения тебе сочинит и исполнит даже домашний урезанный искусственный интеллект. Но я захотела играть сама. Так это и началось. Выездные учителя у нас на луне. Видео-классы по визору. Уроки на разных планетах от выдающихся музыкантов. Я так счастлива, что папа шел мне навстречу. Мог бы отправить меня учиться на финансовый факультет на Глизе. А я получила удаленно образование управленца, так как это необходимость. Но отец помимо этого позволил мне заниматься и расти в музыке, делать то, к чему тянется моя душа. А я, в свою очередь, помогаю ему чем могу. Мама пыталась вернуться по первости. Но мы не смогли простить ее. У папы так и не появилось ни с кем серьезных отношений за эти годы. Наверно, это плохо? Что не смогли понять и простить? – Вытирая слезы, закончила птичка. – Сама не знаю, зачем тебе все рассказываю...

Девочка-подросток, когда-то брошенная своей матерью ради чужого мужчины, в ней до сих пор страдала.

Я подхватил птичку на руки, уселся в кресло-качалку сам, уместив ее сверху. Крепко обнимал, утешая. Постепенно она задремала, затихнув в моих руках.

Не смог бы я ее оставить сейчас и улететь. Даже если бы захотел.

Спустя три дня встревоженная Аделин впорхнула в дом без стука. Днем я не запираю засов, не видел в этом необходимости.

– Ссашшин!

Я едва успел намотать полотенце вокруг бедер, заслышав шаги. Занимался водными процедурами после тренировки.

– Птичка, тебя не учили стучаться? – Не удержавшись, я сложил губы в коварную ухмылку. – Я мог быть голый, – сделал акцент на последнем слове и поднял брови.

Затем наслаждался тем, как румянец заливает бледную кожу птахи. Но теперь был мой черед удивляться.

– Не думал, что я на это и рассчитывала? – с вызовом дерзкая птичка смотрела мне прямо в глаза, делая шаги навстречу.

Я больше не смог сдержать охотника внутри себя. И издав рык, притянул птаху, смял ее нежные губы своими, пробуя на вкус.

Я рассчитывал на бурное сопротивление, но вместо этого Аделин запустила пальцы в мои волосы, притягивая ближе к себе. Разомкнула губы, впуская меня. Ни о чем больше не думая, я просто брал то, что хотел. Настойчиво, глубоко. Жадно впитывал ее аромат и дыхание, убеждаясь в тяге к ней.

С некоторым разочарованием я констатировал, что не ощущал в ней «свою» женщину. По природе, сложив все сигналы от органов осязания, шайрас должен понять: она твоя... Этот механизм помогает выбрать партнера максимально подходящего генетически, что обуславливает и сексуальное влечение между особями, и воспроизводство здорового потомства. Вероятно, мы не так хорошо подходили друг к другу. Или дело в том, что мой нос так и не мог в нужной мере считывать информацию...

Но птичка все же была хороша и безумно притягательна для меня.

Оторвавшись от ее вкусного рта, я в лоб спросил:

– У тебя были мужчины, Аделин?

Мой вопрос заставил ее задохнуться.

– Не твое дело, шайрас, – отшила она меня, быстро собравшись. Золотистые глаза грозно сверкали.

Будь на моем месте другой, точно бы сдал назад.

– Ты, наверно, не представляешь, девочка, как действуешь на меня, – низко загудел я, снова склонив голову к ней. А ее маленькую ручку прижал плотно к полотенцу в районе паховых пластин, которые мне пришлось раздвинуть.

– О-о-о, – одновременно округлив рот и глаза, любопытная птаха сжала пальцы, заставив меня сдавленно зашипеть.

Я ожидал чего угодно. Что она возмутится, испуганно отдернет руку. Или справедливо смажет по моей наглой роже. Но никак не того, что стану объектом пристального изучения.

Я точно сошел с ума. Или мой организм просто требовал разрядки?

Нет. Не то. Я хотел именно эту несносную девчонку, забывшую о смущении. Занятую тем, что своей ладошкой продолжала водить рукой вверх и вниз по моему весьма напряженному достоинству.

С сожалением я отлепил птичку от себя и мягко вытолкнул за дверь, сначала гигиенической комнаты, а затем и спальни. Целомудренно коснулся губами ее лба, пообещав, что вернусь через десять минут. И с целью отвлечь Аделин от мыслей о прерванном занятии на какое-то время, попросил ее заварить чай. А я смогу привести себя в надлежащий вид. Мне самому требовалось остыть. Перед глазами так и стояли картины, как я поднимаю ее за аппетитный зад и насаживаю на себя. Так. Вот кому необходимо было переключиться.

«Набросился на девчонку, сам как подросток», – ругал я себя, возвращаясь в ванную.

Оперевшись на раковину руками, я смотрел, почти не видя отражения в зеркале и лихорадочно думал. Имел ли я право заходить дальше. По реакции птахи мне стало очевидно, у нее не было мужчин. А ее возраст... ей всего двадцать два, она же ребенок по меркам шайрасов. Люди женятся и рожают детей в этом возрасте. Но у нас все иначе.

Тяжелые мысли остудили меня, а окунание головы в холодную воду окончательно привело в трезвое состояние.

А когда я вышел к Аделин в гостиную, она сообщила то, что и так должно было случиться. Но возможно, я рассчитывал, что у меня будет больше времени.

– Охотники возвращаются сюда через четыре дня, – обернувшись ко мне от кухни, озвучила Аделин новость, с которой и пришла сегодня в лесной дом.

Глава 9. Досада

– Я знаю другой домик, что пустует весну и лето. Он не хуже этого. Но находится далеко. – Хмурилась Аделин. – Расположен в горах на южных склонах. Фабрику для изготовления чая там закрыли на реконструкцию. Работы по замене оборудования начнутся, когда доставят новые чаны из особого сплава и пропарочный аппарат. Скорее всего это будет не раньше осени. Техники летом очень заняты текущим обслуживанием фабрик. И изготовление оборудования по индивидуальным схемам небыстрое.

– Не думаю, птичка, что это хороший вариант, – мягко начал я. – Ты же понимаешь, что я не могу прятаться вечно. Думаю, время пришло знакомиться с твоим отцом и договариваться.

– Ты уедешь? – спросила птичка дрогнувшим голосом, но при этом старалась держать лицо невозмутимым.

– Так быстро от меня не отделаешься, Аделин, – пообещал я ей, притягивая к себе и усаживая на хвост.

Чай мы не допили. Безудержно целовались, как только птаха снова оказалась в моих руках, гибкая, как змейка.

Я уже понял, что в Аделин удивительным образом сочетались врожденная дерзость и смущение от неопытности. Она доверчиво льнула, крепко вцепившись в мои плечи. Войдя в раж, ловко скользила острым язычком по моему, щедро делясь своим дыханием. Оседлав меня, птичка инстинктивно елозила по хвосту, окончательно сводя меня с ума.

Намотав ее длинные волосы на руку, я старался утолить вспыхнувшую жажду и не зайти далеко.

Слишком рано.

– Тебе пора, девочка, – хрипло прошептал я ей в губы, едва оторвавшись. Заглядывал в ослепевшие глаза, глубоко дыша, впитывая и анализируя ее аромат.

Вкусная. Но все же не моя... Легкий цветочный запах смешивался со свежей ноткой и горчинкой лайма. А еще от птички веяло чаем... зелеными листочками, слегка прохладно и остро.

«Мой нюх становится тоньше с каждым днем», – посчитал я удовлетворенно.

А память... может быть, вернется и она. Но я решил больше не опираться на эти надежды. Строить свою жизнь дальше. Я уже ждал достаточно. Мое влечение к птичке способствовало резкой перемене в ранее принятом выборе и что-то мне подсказывало – я не привык долго сомневаться.

– Я приду завтра после обеда, Ссашшин. Завершу дела по дому и приготовлю ужин, который обещала, – довольно проговорила Аделин. – Отец сегодня будет ожидать меня вечером, а завтра он улетит на пару дней. Когда вернется, я познакомлю вас, – уведомила девчонка, прежде чем скрылась за дверью.

Боевой воробушек снова в деле – не мог не улыбнуться я.

После ухода Аделин, привычно взялся за тренировки. Потом за приготовление еды. А поздно вечером сидел у очага, изучая в старых книгах, как приготовить колбаски. Возможно, те самые, что я ел каждое утро.

И даже находясь в затемненном доме один, я больше не чувствовал одиночества.

Сурья нещадно пекла. Весной солнечная активность и температура воздуха в этой части Паталы выше, чем летом.

– *Начали!* – дал отмажку наставник по искусству владения холодным оружием.

Яркою оранжево-зеленого окраса шайрас, киатри, подающий много надежд, и мой приятель, молнией скользнул ко мне, атакуя тренировочным аюдха катти. Тут же выполнил подсечку концом хвоста, словно кнутом, выстреливая мне в точку опоры. Не зная я его любимые приемчики, покатился бы кубарем по раскаленной земле. Я был меньше и шустрее бугая-сокурсника, только это и позволило мне успеть утечь в сторону и принять удар на свой клинок плашмя, скатывая его по лезвию вниз, и увести влево от себя. Киатри мощью способен завалить и крупного паталского мастодонта, мне не выстоять в силовом противостоянии с ним.

Последующие минуты схватки превратились в танец, где мы старались вымотать друга: скользили в круге для боя, выжидая, когда соперник ошибется.

Киатри открылся. Недолго думая, теперь атаковал я. Что это была ловушка, я понял несколькими мгновениями позже. Киатри упруго изогнулся назад на хвосте, пропуская меня над собой, поднырнул сбоку и сшиб меня корпусом, использовав силу своего хвоста. В следующую секунду я уже лежал на земле, с трудом делая первый вдох пытался вернуть легким кислород, выбитый хлестким ударом. Мощное тело киатри обездвижило меня. Я лишь смог хлопнуть ладонью по земле, признавая поражение...

Утром неясная тревога не давала спать. Я и раньше не вылеживал подолгу. А сегодня что-то невнятное подняло меня до рассвета, заставив заняться рутинной. Упражнения, завтрак. Небольшая уборка. Стирка вещей. Время тянулось медленно.

Я сделал несколько вылазок в лес, но не отходил далеко от дома, как просила птаха.

Наконец распознал шаги, и прежде чем раздался стук в дверь, носа коснулся запах моей птички.

Не совсем та. Но я так незаметно для себя увяз в ней сам и решил присвоить ее, не думая о возможных последствиях. Встреть я ту, свою настоящую, что тогда будет с Аделин? Я не хотел страданий для нее, но сейчас так был уверен в себе, притом прекрасно зная, как сносит голову у шайраса, и как инстинкты толкают на продолжение рода.

И я уж точно не мог предвидеть, что вытворит безрассудная девчонка! Да, отец научил ее многому и взвалил обязанности, которые Аделин неукоснительно выполняла, стараясь не подвести папу. Но в остальном, она делала, что хотела.

Как и сегодня.

Ввалилась с торчащими во все стороны волосами, которые немного завились от влаги. На улице снова было сыро. Незамедлительно скинула увесистую сумку на пол. Сколько раз ей говорил, что тяжелые вещи должен носить я, непослушная мне птаха досталась. «Придется воспитывать», – усмехался я, предвкушая этот процесс, не подозревая и близко, насколько придется мне погрузиться в педагогическую работу.

Но один урок она уже усвоила, пришла в высоких непромокаемых сапогах, плотном плаще и с защитным куполом от дождя. Я помог ей раздеться и потом долго целовал, приподняв, крепко прижимал к себе, поддерживая хвостом. Млел от того, как птичка уже не смущаясь ерошила мои волосы, гладила ладонями шею и забиралась пальчиками под ворот сорочки.

Сам я вдоволь натискал ее ладный зад, прежде чем опустил.

Пол я заблаговременно нагрел, ожидая девчонку. Несмотря на зиму, она постоянно оказывалась босиком, шлепала маленькими ступнями по холодным отшлифованным доскам. Сам я редко нуждался в дополнительном нагреве. Хвост выносил и более низкие температуры поверхности.

– Сегодня я буду готовить сама, – заявила она мне. – Одна, – командирским тоном уточнила, что мое участие не нужно.

Раз так, я решил не мешать Аделин и занялся другими делами. Сменил белье и полотенца в сантехническом узле, поместив в очистную машину использованное. Успел запустить

уборщика для мытья полов и включил ионизатор для бочек. Меня не пугали дела по дому, но от их выполнения я не испытывал удовольствия. Просто хотел занять руки и время. Я любил чистоту и как оказалось, многое умел. Мне не приходилось задумываться о таких вещах. Так же как и готовка не вызвала протеста. Нужно? Значит я сделаю.

Незаметно подоспело время, когда Аделин позвала меня на ужин. Уже не меньше, чем полчаса я подбирал слюну от манящих ароматов с кухни. Мой нос безошибочно определил по разносящимся по дому запахам: птичка умела готовить умопомрачительно.

– Ссашшин! Ужин готов!

Не заставляя себя ждать, я быстро вымыл руки и скользнул в гостиную.

– Я приготовила несколько блюд, – весело щебетала она, бросая на меня настороженные взгляды.

Возможно, боялась, что мне не понравится.

Передо мной оказалась тарелка супа-пюре желто-сливочного цвета с кусочками индейки и мелкой стружкой тех самых синих трюфелей.

– Ты не будешь есть со мной? – удивился я.

– Ой, да! Сейчас! – засуетилась птичка и приземлилась рядом со мной с такой же тарелкой супа.

Сама ела мало, как обычно, но не сводила с меня любопытных глаз. Немного нервно облизывала алые от поцелуев губы. Совсем не щадил ее, когда с напором ласкал своим ртом.

Суп был великолепен! Будто я попал в хороший ресторан. Идеальное сочетание консистенции пюре, нежных волокон мяса индейки и пикантного вкуса трюфелей. Он был похож на обычные белые, но более тонко дополнял собой блюдо.

– Ты бесподобно готовишь, птичка, – плотоядно облизнулся я, не сводя с нее взгляда. На что Аделин неожиданно залилась румянцем.

Испытывал удовольствие от ее смущения.

Птаха вновь резво подпрыгнула и принесла закрытый пирог. И свой любимый чай. С этой девчонкой концентрация кофе в моем организме стремилась к нулю. Но я не жаловался, а всегда с радостью присоединялся к чаепитию.

– Это пирог с лесными белыми грибами и трюфельным кремом, – оповестила она меня и отрезала огромный кусок, себе же на тарелку положив лишь несколько крошек.

Пирог оказался столь же великолепен, как и суп-пюре. Я ел и не мог остановиться, шай-расы едят немало, нам необходимо много калорий для поддержания крепкого торса и мышц хвоста, в людском обличье расход энергии был бы значительно меньше.

– Кто научил тебя готовить, Аделин? – низко гудел я, вдыхая полными легкими аромат пташки, что стал особенно явным и притягательным. Почему ее запах усилился?

– Мариос! Повар. Он работал на нашу семью еще до моего рождения. Когда мама уехала, я отвлекалась от тяжелых мыслей помогая на кухне. И от ощущения собственной никчемности. Тогда я думала, что это я какая-то не такая, раз даже мама оставила меня.

– Не грусти, малыш! – пытался утешить ее я. Отставил пирог в сторону и перетянул к себе Аделин. – Ты талантливая, смелая, ответственная, добрая. Никогда не думай про себя плохо. Поступки твоей матери никак не говорят о тебе. Ясно? – я заглядывал ей прямо в глаза и понял, что окончательно поплыл.

Снова захватил птичку в плен, с рычанием вгрызаясь в ее рот. А та нисколько не пыталась меня остановить, наоборот своими действиями все больше разжигала огонь внутри меня. Хаотично водила ладонями, тянула рубашку за ворот. Когда я вдавил ее в себя, смело сжала свои руки на моей заднице, переходящей в хвост и скользила ниже, исследуя.

«Если продолжим так дальше, не смогу остановиться. И оттрахаю птичку прямо здесь», – размышлял я сквозь марево желания. Почти ни о чем не мог думать. Только о том, как хочу скорее оказаться в ней.

«Нет, нельзя. Если у нее это первый раз. Я должен быть очень внимательным и осторожным».

Словно читая мои мысли, Аделин со сбившимся дыханием произнесла.

– У меня уже было, – призналась она, ненадолго замывшись. – Один раз. Можно сказать, что ничего и не было. – Помрачнела она. – Я хочу узнать как это иначе. С тобой.

От ее признания окончательно слетели все тормоза. Я тоже хотел птаху. До потери разума.

По дороге в спальню, не мешкая, избавил нас обоих от одежды. Не прекращал целовать сладкие губы. Мне нравилось, как птичка открывается мне, не испытывая страха и сомнений.

Уронив на кровать Аделин, я не спешил. Гладил и целовал тонкое, но ладное тело, девчонка не пренебрегала физическими упражнениями. спускаясь все ниже, сводя с ума и ее. Когда Аделин уже почти ничего не соображала, преодолел небольшое сопротивление и раскрыл ее для себя. Настойчиво ласкал губами и языком, до тех пор, пока птичка не начала мелко дрожать в моих руках, издавая тихие стоны. Теперь она готова будет принять меня и мою страсть. Несмотря на пьяную голову, знал, быстро не остановлюсь. И вряд ли я довольствуюсь одним заходом.

Но когда я вдохнув ее аромат в очередной раз, меня настигло озарение.

Почему меня ведет от нее так, как бывает у шайрасов в самом начале, когда он встречает свою женщину? Если это не так.

Поднявшись к ее лицу, я твердо потребовал ответа, не обращая внимания на уже невыносимый дискомфорт в паху:

– Это ваши трюфели, девчонка? Какими свойствами они обладают?

По ее глазам моментально понял.

Рывком сполз с девчонки, нашел чистую рубашку, зло ее застегивал, изо всех сил старался не сорваться на глупой девчонке! Поднял на ноги Аделин на кровать, заставив смотреть себе в глаза.

– Ты хоть понимаешь, что могло случиться, если бы моя воля была слабее? В шайрасе не надо подогреть страсть, глупышка! Ты знала, что я и так хочу тебя! Зачем? Чтобы я затрахал тебя до смерти, а потом тебе понадобилась медицинская помощь? Кому бы стало от этого хорошо? Я думал, ты взрослая, но я ошибся. Одевайся, – холодно приказал я ей, швыряя ее одежду на кровать. И старался не замечать широко раскрывшихся глаз и слез, что бежали по щекам.

Выходя из спальни, расставил точки:

– Уже поздно. Я провожу тебя до дома.

Глава 10. Происшествие

– Аделин, мы поговорим завтра, – шипел я несдержанно на невозможную девчонку.

Птичка всю дорогу так и шмыгала носом, безостановочно вытирая слезы. Сдается мне, обычно женщины не рыдают после того, как получили удовольствие со мной.

Слезы и расстройство не мешали ей периодически открывать рот и пытаться со мной заговорить. Я еле сдерживался, чтобы не рычать.

– Ссашшин!

Я был зол и мучился от адской неудовлетворенности. Когда закончится действие этих синих мухоморов? Казалось, вот-вот и моя мачта проткнет паховые пластины. Заставить себя их раскрыть, я тоже не мог. Смутить скрипачку я больше не боялся. Но едко хмыкнул, представив, как ползу по лесу в таком виде. А реакция невозможной девчонки могла быть даже забавной. Нет. Все дело в том, что я не верил себе и справедливо сомневался в своей выдержке.

Я скрипел зубами, считая минуты, когда смогу вернуться в дом.

А злился я в первую очередь на себя, что так беспечно ел неизвестную мне еду, не сделав даже попытки выяснить ее свойства. На птичку злиться уже не мог. Хотелось обнять и утешить страдающего воробья. И немедленно отыметь.

Но этого не будет. Аделин должна выучить урок, что так поступать недопустимо. Даже если очень хочется. Ей не шестнадцать лет! Завтра, когда буду в состоянии, спокойно с ней обсужу ее выходку, и, видит Кадру, мне придется ей объяснять простые истины. Раз никто не сделал этого до меня. Нет, я не собирался от нее отказываться, но и бросать на самотек подобные выходки был не намерен.

Надеюсь, мой организм выведет афродизиак к утру. Но судя по всему, «веселая» ночь мне обеспечена хорошей дозой дивных синих грибов!

Избавиться от ненужных веществ помогла бы и регенерационная капсула, но я не хотел вводить в курс наших дел пожилого доктора. Кто знает, чем это обернется для его юной госпожи.

Я оставил птаху практически у ворот, но не стал близко приближаться к стенам усадьбы.

– До завтра, Аделин, – уже мягче попрощался я с ней. Слегка приобнял и, держась изо всех сил, чтобы не обернуться, спешно поскользился в сторону леса раздраженными резкими бросками.

В дом, который мне требовалось освободить уже завтра.

Я бы очень прилично соврал, расскажи, что провел спокойную ночь. Или то, что мне удалось хоть немного поспать.

Собственные руки, ледяная вода, медитации не были способны мне помочь. Пообещал себе как следует выдрать чей-то очаровательный маленький зад, напоследок оставив на нем отпечаток острых клыков. Не мог не думать о том, как оттрахаю зарвавшуюся птаху после. У нее уже был секс, тем проще для меня. Коли так, я не намеревался ее особо щадить и уже предвкушал, что с ней сделаю. Но я хотел контролировать себя и быть в трезвом уме. Сейчас же я был сильно далек от вменяемого состояния.

Измученный, я отключился уже на рассвете. Перед сном думал: съел ли я настолько большую дозу трюфелей или мой организм не воспринял ее как что-то враждебное, поэтому не торопился избавиться. Если бы не быстрый шайрасский метаболизм, то сколько времени я был бы под воздействием грибов? Аделин их тоже ела, но значительно меньше моего. Не исклю-

чено, что к ним возникает привыкание, и поэтому у живущих здесь нет такой сильной реакции на их прием.

Проснулся я резко, будто от внутреннего толчка. Спал недолго. Похоже, судя по свету за окном, прошел максимум час.

Непонятные звуки достигли моих ушей. Вновь тревога заполнила нутро. И, не одеваясь, я осторожно выглянул наружу.

И тут же подобрался. Вдали между деревьев лежала моя птичка. Я был готов действовать незамедлительно, сразу забыв о вчерашнем разочаровании.

Пригнулся к крыльцу. Шорох со стороны, легкий шелест над головой. И надо мной в дверь вонзились две ампулы с иглами на конце. Транквилизаторы! Или что поопаснее...

Надеюсь, состав и доза препарата не сильно скажутся на Аделин. Скорее всего в нее палили тем же. Надо вытаскивать нас отсюда. Если и меня подстрелят, мы оба можем погибнуть. А девчонку, не исключено, будет ожидать и более страшная участь. Про меня навряд ли знали. Делаю вывод, что охотились именно за ней.

Безопасно здесь значит? Как бы не так! Мара толком не охраняется. Мое падение на «Дельте» тоже никто не заметил. Если раньше было спокойно и Морелли могли ни о чем не волноваться, то пришло время многое менять.

Мое тело и заложенная в него память хорошо знали, что делать, я рывком спрятался за угол, вдгонку получив новые выстрелы в спину. Мимо. Вот и пригодились изнуряющие тренировки в длительные часы одиночества. Целыми днями занимаясь, я удостоверился, что долговременная мышечная память выдает во мне воина. Не удивлюсь, если я был военным летчиком, а не просто пилотом транспортных средств.

Наспех оценил расстояние до птички. Пока буду забирать, и меня снимут. Но по звукам и выстрелам, я уже просчитал, где находился противник, и, предельно тихо обогнув дом, затерялся среди густого леса, попутно прихватив топор у входа в техническую часть дома. В холодные дни я разминался здесь колкой дров.

Смерть быстро настигла двоих отморожков. Я подкрался сзади и четким выверенными движением топора перерубил хребет ближайшему противнику. Вытаскивать оружие было долго, поэтому второму я просто свернул шею. Они и пикнуть не успели. Мало ли, вдруг еще кто есть поблизости, и в неизвестно каком количестве. И тем более я понятия не имел, чем они вооружены и не знал их технических возможностей. Правильным вариантом было скорее свалить отсюда, а потом разбираться в том, что произошло. Я быстро обшарил карманы и сумки поверженных недоброжелателей. Забрал питание и воду, два ножа, энергетическое оружие и пушку со снотворным. Нашел фонарь и сигнальные ракеты. Вытряхнув из рюкзака ненужное барахло, сложил туда отобранное, при этом прихватив куртку, штаны и обувь того, что помельче. Мне это не нужно. А птичке пригодится, я знал, что ее наряды обычно мало подходили для марш-бросков по пересеченной местности. С телами возиться было некогда, я наскоро прикрыл их ветками и старой листвой. Пора за девчонкой.

В дом возвращаться не рискнул. Там нет ничего сверхважного, а промедление может стоить нам свободы и жизни.

Происшествие будто пробудило во мне ту часть, что спала все это время. Я очутился в своей стихии, четко понимал алгоритм действий, что мне нужно совершить. Это не просто тренировки тела, а куда более полное понимание ситуации.

Спустя пару минут я склонился над птичкой.

Проверил дыхание, пульс – глубокий сон. В предплечье нашел воткнутую ампулу. Во мне поднялась настоящая ярость. Двое крепких мужиков завалили хрупкую девчонку. Серьезных ран при осмотре я не обнаружил, только небольшие ссадины на ладонях и виске. Скорее всего были получены ею при падении. Как я и думал, Аделин была одета неподобающе для перемещения по лесу, но мы разберемся с этим позже.

В очередной раз понадеялся, что эта инъекция не скажется глобально на здоровье птахи. Сколько она в отключке?

Торопясь, я проверил сумки, что она принесла с собой. С сожалением оставил скрипку. Аделин будет переживать за свой инструмент, но нам он может помешать. Да и шанс, что он будет здесь целее – больше. Аккуратно прислонил кофр с инструментом к дереву со стороны тропы, откуда она шла. Немного далее, ближе к дому набросил ее шарф на ветку. Когда отец поймет, что дочь не вернулась, он будет ее искать. И есть надежда, что люди Морелли обнаружат вещи Аделин.

На себя я навесил обе сумки, что Аделин принесла. Их содержимое не разглядывал, чтобы не тратить время, потом разберусь. По большей части знал, что там еда и, думаю, что-то личное. Взял спящую птичку на руки.

Может быть, кроме этих двоих и нет никого, и мы скоро явимся в ее дом. Но прежде всего мне нужно убедиться, что там безопасно. Поэтому я выбрал путь к усадьбе через дальний мост. Не время для купаний. Прячась в густой листве и за ветками, я очень осторожно и тихо скользил к тому месту.

Издали я услышал крики и шум. Это заставило меня еще больше насторожиться. Я спрятал Аделин за деревом, надумав ближе подползти одному.

У моста было не пусто. Как мне понять, что это люди Леона Морелли? Ответ нашелся быстро. Те, кто там находились, имели ту же форму, что и убитые мной. И точно такое же вооружение. Пушки со снотворным и кобуры энергетических пистолетов. А еще возле моста располагались две бронированные машины на огромных колесах с протекторными шинами. Отец Аделин не стал бы использовать транспорт, запрещенный на Маре.

Живущие здесь, по-старинке ездили верхом на лошадях. Либо на байках на воздушной подушке. Тот же транспорт для перевозки урожая весь был воздушный. Иначе был риск погубить ценные трюфели и чай. Хозяева старались сохранить экосистему и климат на маленькой луне.

Но явившихся на Мару преступников не особо заботили подобные вопросы.

Значит, я не могу вернуть Аделин в усадьбу. Придется найти безопасный путь и место. И вообще понять, что тут происходит. В порядке ли ее отец?

Возможно, благодаря моему опыту, приобретенному в прошлом, мы выживем, если это целенаправленная охота на Аделин и ее семью. Сомневаюсь, что пришли за мной, кому нужен простой шайрас? Даже если он хороший воин. До сего дня я жил в информационном голоде. Не зря я отказался переехать в другое место и продолжить существовать в таком режиме. Сегодня как раз тот день, когда я должен был покинуть свое временное убежище. А завтра в дом вернутся охотники. С этим тоже есть какая-то связь? Что неприятель появился именно сегодня. Очень многое нужно выяснить. Время ожидания вышло, независимо от моих желаний.

Я решил держать путь на южные склоны, спрячемся пока в горах среди тех чайных плантаций, что находятся на отдыхе. Буду двигаться в сторону старой фабрики. А дальше ясно будет.

Недолго думая, я снова схватил Аделин на руки и стремительно скрылся в густом лесу.

Глава 11. Предосторожности

Аделин очнулась минут через сорок после того, как я обнаружил ее лежащей на земле. Медленно приходила в себя. Узнав меня, шире открыла глаза.

– Ссашшин?– слабо прошелестела она. – Куда ты меня несешь?

– Тихо птичка! Нам нужно убраться подальше. Тогда и сделаем привал. Спи и приходи в себя, – мягко успокаивал я Аделин. Нам могло помешать ее беспокойное состояние. – Поговорим позже.

Птичка согласно моргнула. Но вдруг снова встрепенулась. Вспомнила.

– Я шла к тебе. Хотела извиниться. Правда, глупый поступок! И надеялась поговорить. Меня что-то больно ужалило в шею, я смогла сделать ещё несколько шагов и потом ничего не помню, – сбивчиво рассказывала она срывающимся голосом. – Кто это сделал?

– Т-ш-ш. Нас могут услышать. Молчи. – настаивал я. Больше Аделин не пыталась заговорить.

Я двигался около часа, быстро, нигде не задерживаясь, скользил меж деревьев, пересекал небольшие ручьи, прятался в высокой траве и кустарниках. Выбирал более твердую почву, чтобы не оставлять следов. Рельеф менялся, появился уклон поверхности, скалистые образования вырастали на глазах. Растительность тоже преобразалась. Диаметр Мары небольшой. И изменения ландшафта происходили быстро. Остановился я только, когда звуки любого присутствия людей остались далеко позади. Для подстраховки скользил еще какое-то время, до тех пор пока не нашел уединенное место: холм поросший деревьями и очень частым кустарником. Здесь было сухо. Снег давно сошел, если и был на этом участке. Просохшая почва и молодая трава. Значит ночью мы не замерзнем. Тем более, если девчонка будет спать на мне, довольно хмыкнул я себе под нос. За свой поступок она заслуживает порки, но от этого не стала менее манящей для меня.

Принудительно оторвал себя от приятных мыслей. Нужно было подумать о серьезных проблемах, свалившихся на наши головы. Скверно, что мы пребывали в неведении причин происходящего. Не знали ни целей напавших, ни кто заинтересованное лицо. Как далеко они готовы зайти? То, что выстрелили в Аделин – плохой знак. Это означало то, что у них не было страха ей навредить. Значит, мне нужно чрезвычайно дотошно позаботиться о ее безопасности. Если бы не птичка, я бы держался поближе к непонятым личностям, так вероломно вторгшимся на территорию Морелли. Все разузнал бы, может, и перебил их небольшими партиями. Но я не смогу оставить Аделин одну надолго. Что с ней будет вдали от дома? На Маре нет крупных хищников, только рыси. Но есть неприятель, а это может оказаться куда хуже и опаснее тех же медведей.

Солнце медленно опускалось за холмы. В горах ночь всегда наступает быстрее и холодает раньше, чем на равнине. Пора было заниматься приготовлениями к ночевке на открытом воздухе. Шайрасский организм в состоянии вынести и холод, и промозглую сырость, но хрупкую человеческую девчонку необходимо уберечь от простуды.

Сначала я достал из добытого рюкзака одежду, снятую мной с врага, и вручил плотный тактический костюм Аделин.

– Я не замерзну, а тебе нужно одеться. Высокотехнологичная ткань защитной формы спасет от ветра и влаги, – тихо объяснял я девчонке.

– Мне не нравится чужая одежда, – птичка брезгливо морщила маленький нос, разглядывая зеленую форму, держа ее на вытянутой руке.

Но активно возражать не стала. Понимала, что в тонком плаще, юбочке и сапогах на каблуках она быстро замерзнет. И это не самая удобная одежда для перемещения по склонам.

Особенно, если возникнет необходимость экстренно менять локацию. Я сам был не в восторге, от нее будет пахнуть каким-то мужиком, но выбирать нам не приходилось.

Сначала примерила военные ботинки, они оказались велики размера на три. Долго девчонка в них все равно не сможет идти. Зато в них будет тепло спать. Тогда у меня возникла другая идея.

– Ты спятил?! – возмущенно вскрикнула Аделин, забыв, что нужно соблюдать тишину, когда я отломал первый каблук от ее сапожек.

– Они тебе по размеру и высотой до колена, – назидательно произнес я и быстро оторвал второй. – Будут прекрасно держать тепло.

Птичка бросила зеленый комбинезон на землю, выхватила сапоги, шустро переобулась обратно в свою испорченную обувь и выпрямилась, нарочито уперевшись на пятки. Ехидная улыбочка расцвела на ее лице. Носки задрались вверх, и тонкая подошва сапог подходила для пересеченной местности не больше, чем каблук.

– Ошибся. – Признав поражение, я развел руками и снова протянул Аделин форму и скинутые ботинки. – Одевайся.

Птичке бы теплые носки, но она пришла в странных гольфах в мелкую сетку, высотой до бедра. Смущаясь, скатывала их со своих ножек до середины голени под моим пристальным взглядом. Если бы не сложившиеся обстоятельства, я сделал бы это сам. Штаны, как и рукава рубашки, пришлось закатать и стянуть утяжками плотно по фигуре. Как только мы найдем хорошее убежище, стираем чужую одежду либо удастся достать новую. Но пока Аделин придется ходить и спать так.

Мне бы тоже не мешало облачиться, но временно я буду вынужден сверкать голым торсом. Даже если не думать о холоде, возможных осадках и повреждениях кожных покровов, я был сильно замечен среди зелени.

Немного изучив склон, я нашел в кустах нишу, удачно созданную природой. Со всех сторон нас окружала сплошная листва. Густые ветки и крупные кожистые листья надежно прятали от посторонних глаз. Я не видел у вторженцев поисковых животных, а люди сами не смогут найти нас по запаху. Надеялся услышать и почуять неприятеля раньше, чем он обнаружит нас.

На землю набросал тех же самых веток с листьями. Их я срезал с разных кустов, чтобы не оголять кусты в одном месте и никак не выдать наше присутствие.

Поужинали мы из запасов, что принесла Аделин в тот дом, не пришлось добывать пропитание. Горячая еда и костер послужили бы хорошим подспорьем нынешней ночью, но нам пришлось обойтись без него. Мне тоже требовался отдых. Кто знает, какой путь предстоит преодолеть завтра. К тому же у меня не было никакой уверенности, что разожженный огонь никто не заметит. И кроме того, продукты могли испортиться, лучшим вариантом было их съесть. Аделин принесла с собой вяленое мясо с сыром, свежий хлеб и пироги с вареньем. Запивали просто водой, не до горячих напитков. А на завтра я решу вопрос с полноценным питанием. В светлое время пламя и дым издали заметить гораздо сложнее. Я знал, как надо разжигать костер и готовить на нем, чтобы не засветиться.

– Ссашшин, здесь вроде никого нет, мы можем поговорить? – робея спросила меня девочка и несмело заглядывала в глаза.

Непривычно мне было видеть мямлившего боевого воробья.

– Можем, только тихо, – прошептал я Аделин на ухо, устраивая удобно на себе и разрешил: – Говори.

– Я должна была предупредить тебя о действии синих трюфелей, – гораздо смелее произнесла она. – А потом уже предлагать угощение. Прости меня! Я не подумала о возможных последствиях. И о том, что обманываю тебя. Наверно, мне в тот момент казалось это небольшой шалостью. Дозировку я тоже не знала. На всякий случай сама ела совсем чуть-чуть. Но

мне хватило, чтобы почувствовать на себе их действие. Даже не представляю, каково было тебе, – уже едва слышно закончила она.

Птаха хорошо подумала о своем поступке. И раз шла с раннего утра извиняться, значит обладала достаточной смелостью и мудростью не только для признания своих ошибок, но и для того, чтобы попросить прощения. На что способны немногие взрослые. Может Аделин и не такая уж незрелая.

– Ты не представляешь, какую ночь мне обеспечила, глупая птаха, – невесело усмехнулся я. – Но хуже всего было чувствовать, что меня использовали. С тобой я забылся. Сколько тебе лет на самом деле? Ты всегда такая смелая, управляешь большим домом и немаленькой группой людей. Ничего не боишься. А сама – ребенок.

– Я давно не ребенок! – возмутилась Аделин. – После всего ты больше не захочешь... меня? Будешь воспринимать как неразумную девчонку? – тихо-тихо прошептала, мучивший ее вопрос. Ерзала по мне круглым задом, рисуя узоры пальцами то на моей груди, то хвосте, мягко надавливала и обрисовывала чешуйки.

Она продолжала также будоражить во мне желания. И они никак не были связаны с целомудренным времяпровождением.

– Даже не думай, Аделин! – рыкнув, я впился в ее губы.

Целовал, подчиняя себе, крепко притянув за затылок. Таранил языком ее сладкий рот, снова не сдерживаясь демонстрировал, что я сделаю с ней потом, когда мы будем в безопасности.

– Еще подобная выходка, и ты нарвешься на наказание, маленькая пичуга, – тихо урчал я, наслаждаясь ее отзывчивостью.

Нам не нужны эти идиотские грибы. Птаха ярко горела и плавилась в моих руках. Чувственная. Горячая. Аромат ее желания почти затмил запах прежнего владельца костюма. Я все больше принимал птичку своей. Да, не по шайрасским меркам. Но разве это важно? В какой-то момент мне стало безразлично. Уйди она из моей жизни или погибни сегодня, для меня это обернулось бы катастрофой.

– Нам пора отдыхать, – объявил я, немного полюбовавшись ее взбудораженным видом.

Перед тем как лечь спать я предварительно упаковал все наши вещи. Лег спиной на листву. Немного поежился от контакта холодной поверхности с голой кожей, но быстро начал согреваться. Рюкзак положил под голову, сумки Аделин рядом. Как и оружие оставил в доступе, на расстоянии вытянутой руки.

Крепко прижимал птичку к своей груди. Обнимал, чтобы девчонке было теплее. Ее прохладные ладони плотно прилегали к моей обнаженной коже и медленно согревались.

– Папа. Как он там? – снова заговорила она. – Сходит с ума, не зная, где я. Думает, что я одна. Или, что меня уже нет в живых.

– Мы постараемся поскорее вернуть тебя ему. Или сообщить, что с тобой все в порядке. Но без риска для жизни. Спешка не поможет ни тебе, ни твоему отцу. Спи, птичка. Сегодня мы выбрались. И нам нужен отдых. А завтра будем действовать по ситуации.

Тяжело вздохнув, птичка немного поворочалась, снедаемая беспокойством и медленно заснула. А вслед за ней, погрузился в чуткий сон и я. Не мог позволить себе глубокого сна. Благо, шайрасы несколько дней выдерживают недосып. Но я намеревался воспользоваться предоставленным шансом восполнить ресурсы.

Предатели никогда не иссякнут. Когда-то они вынудили меня раньше, чем было положено по возрасту, окунуться в хитросплетения заговоров против нашей семьи.

Сейчас враги нашего рода внутри Империи снова подняли свои змеиные головы, но уже сговорившись с внешним противником. Пора было вновь вставать на защиту семьи плечом к плечу. Умеренно спокойная жизнь подошла к концу.

Быстрая смена прежних замыслов – и я был вынужден лететь на корабль к брату.

А здесь я встретил ее.

Без какого-либо шанса заполучить себе. Она так пропиталась чужим запахом другого мужчины, будто он метил ее без остановки. Признаться, я бы и сам так поступил. Лишь бы эта необыкновенная женщина, такая острая на язык, была только моей. Чтобы любой нагг знал: занято.

Но я безнадежно опоздал.

И мог лишь наблюдать со стороны. Восхищаться ее красотой и силой духа. Она разительно отличалась от наших женщин. И от всех, кого я знал прежде.

С головой погружившись в работу, я ждал момента, когда смогу покинуть звездолет. Пока в силах был сдерживаться и не натворил дел.

Проснулся я от бормотания. Два голоса спорили. Ходили в отдалении, все приближаясь. Прислушался.

– Сигнал рядом. Но я ее не вижу! Куда она могла деваться? – донесся скрипучий голос до меня.

– А как она ушла так далеко одна? – второй голос, низкий, отвечал первому.

– Мистер Сольвенти нам голову оторвет, если потеряем девчонку!

Ясно. Охота ведется именно за ней! Аделин бы уже забрали, не окажись я рядом, или не успей она так близко подобраться к дому. А еще: на ней есть маяк. Надо выяснить, где он.

Я мягко накрыл губы девчонки ладонью и осторожно качнул, пробуждая:

– Птаха. Зажми рот руками и лежи молча. Я скоро вернусь. Все понятно?

Страх быстро прогнал ее сон. Заполучив уверенный кивок я мягко перекатил Аделин на ветки. И тихо выскользнул из убежища прочь.

Глава 12. Неважные новости

– Включай тепловизор! Хватит копаться! – скомандовал второй голос. – Долго мы будем шарить в темноте? «Найду по маячку», – передразнивал он скрипучего.

На тепловизоре я буду гореть как Сурья на небосводе! Вскинул снотворную пушку и выстрелил на звук голоса и шагов, не дожидаясь пока глазами захвачу цель.

– Да чтоб тебя! Меня какая-то дрянь укуси... – шелест кустов и глухой стук обозначил падение тела.

– Джо-о-о! – Скрипучий голос испуганно сорвался на писк. Он тоже услышал. – Где же этот дурацкий прибор?! Джо! Ответь мне!

Спустя секунды я заметил тощий долговязый объект с противным голосом. Он вышел из-за холма и не переставая рылся в рюкзаке. На нем я отметил очки ночного видения. Нам повезло, что они без встроенного тепловизора. Значит оснащение нападавших все же ограничено финансами. Но несмотря на свои очки, тощий постоянно спотыкался и осторожно вышагивал по бездорожью. Неуклюжий. Лучше бы сидел дома, а не охотился за девочками. Как он попал сюда со своими навыками?

Второй заряд отправил и скрипучего в медикаментозный сон.

Я приблизился и сноровисто повязал двоих неудачников их же веревками из рюкзаков. И сами не освободятся и друг другу помочь не смогут. Заткнул им рты найденной одеждой, для надежности и кляпы крепко примотал к голове. Повторил процедуру по опустошению карманов и рюкзаков, и на этот раз у меня появился радар. С ним найдем все зацепки на Аделин.

Прибить бы нужно тварей, да не стал переступать через себя и умерщвлять спящих. Претило. Я воин, а не убийца. Это я знал твердо.

Пока тащил неприятелей к нашему укрытию, меня мучило много вопросов. Сколько их еще в темноте? Где мне спрятать Аделин? С тепловизорами меня обнаружат скоро, остаться здесь – снимут издалека из чего-нибудь дальнобойного. Мы должны отойти как можно дальше от этого места. Без маячка у похитителей не будет ориентира.

Недалеко от нашего ночлега, где меня ждала птичка, не церемонясь скинул наземь спящие тела.

– Аделин? – тихо позвал птаху. – Мы уходим! Но сначала найдем маячки на тебе. Ты знаешь о них?

Дрожащая девочка бросилась ко мне, обхватила торс руками и крепко прижалась:

– Ты в порядке!

Глупая птаху, лучше бы о себе волновалась.

Но оказалось, приятно понимать, что о тебе беспокоятся. Аделин боялась за меня.

А она тут же ответила на мой вопрос:

– Догадывалась. Папа всегда говорил, что найдет меня, где бы я ни была. Никогда не искала их на себе, если ему для спокойствия нужно знать о моем местонахождении, то пусть.

Немного подержав девчонку в тесных объятиях, я медленно отлепил тонкие руки от себя. Нам нужно шевелиться.

– Займемся делом.

Один маяк я нашел в отломанном каблуке. Второй спрятался в длинной серьге. А третий был зашит в сумку.

– Скажи мне, девочка, почему у отморозков частоты и коды от твоих маячков? Сомневаюсь, что именно этих людей послал за тобой отец. И что это за тип, Сольвенти?

Опять широкие глаза на пол лица. Даже в темноте увидел, как птичка бледнеет и отшатывается назад.

– Грегори Сольвенти? – уточнила она пересохшими губами.

– Я слышал только фамилию от этих двоих. Кто это, птичка?

– Управляющий, – прошептала птаха, окончательно теряя голос. – Тот самый... с кем мама...

Не сдержавшись, я утробно зарычал. Аделин испуганно вздрогнула. А у меня в голове нарисовалась вполне логичная картина. Либо управляющий решил использовать Аделин как рычаг и получить желаемое. Либо это месть ее отцу, что было гораздо хуже для сохранности девчонки. Одно я понимал точно. От бывшего управляющего Мары нужно избавиться.

– Нам пора. Унесу тебя подальше от этой точки. Кто знает, кому они передали координаты. Обо мне им ничего не известно, и это нам на руку. Я не знаю когда, но верну тебя в усадьбу к отцу, Аделин. Напролом идти опасно. Кто знает, вдруг твой дом окружен. И ловушки не исключены. Сколько у вас в доме охраны? Надежна ли связь с планетой? Неужели преступники смогут окапываться тут долго, и извне никто не обеспокоен тем, что здесь происходит. Это же обитаемый спутник, а не безжизненный объект. Утром будут сутки, как тебя подстрелили и мы покинули дом в лесу.

– Усадьбу стерегут двадцать человек. Но есть еще охрана на участках сбора урожая, фабрик, упаковки сырья и готовых изделий. А в транспортной зоне – десять человек, – перечисляла хозяйка луны. – Оружие у них есть. Мало ли что выкинут работники, не все из них благонадежны. Иногда рабочую силу с Глизе набирают в гетто, особенно в период сбора урожая, в эти периоды постоянных не хватает. А временные готовы пахать за еду и небольшую плату. Но за ними следят круглосуточно. И у каждого на ноге браслет с датчиком. Сирены работают, если они покинут допустимую для них зону, в которой им разрешено находиться. У моей семьи контракт с частной военной организацией на Глизе. Они реагируют, получив запрос на помощь. Или когда контрольный код безопасности не приходит. Пересылка кода совершается раз в трое суток. Последний папа отправил вчера и ему выдали новый. Еще они отслежат связь и видеосигналы, если у них возникнут сомнения.

Трое суток... У меня много вопросов, почему не каждые. Морелли посчитал, что чаще нет необходимости? Но что имеем, то имеем. Значит, нам нужно продержаться оставшиеся двое. Если опять не произойдет нечто непредвиденное.

Систему безопасности усадьбы и Мары необходимо перетрясти. И я был твердо уверен в том, что в доме водится крыса. Вторженцы знали о коде и появились сразу после его отправки. Очень сомнительно, что все эти годы ничего не менялось. Есть в доме тот, кто сливает информацию: те же данные с маячков Аделин. А факт, что преступники смогли сесть незамеченными на Мару? Как и мое приземление, это осталось вне контроля. Причем и я, и они миновали и мониторинг с Глизе. Заход, я полагал, был осуществлен с теневой стороны, не попадая в видимость баз и спутников.

Леон развернул здесь такое масштабное сельхозвладение, но так скверно позаботился о защищенности семьи и своих людей в том числе.

Спящих преступников я оттащил в то место, где мы провели часть ночи, напоследок всадив в них дополнительные дозы снотворного. И мне будет не очень жаль, если их организм не выдержит.

Забрал наши сумки и увел девочку в сторону от укрытия.

– Я готова идти сама, – смело заявила мне птичка, отвлекая от размышлений.

– Успеешь. Но пока стоит темень, скорее ноги переломаешь. Поедешь на моей спине. А когда станет светло, тогда ты сможешь идти сама, – довольно строго обрубил я ее порыв.

Птичка обиженно выпятила губу, среагировав на резкость. Нельзя забывать о том, что она не мой подчиненный на задании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.